

И. И. Серебренниковъ.

ПОКОРЕНІЕ И ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНІЕ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Изданіе В. Θ. Хардина

ИРКУТСКЪ.

Паровая типографія И. П. Казанцева.

1914.

Покореніе и первоначальное заселеніе Иркутской губерніі*).

Въ исторіи завоеванія русскими земель нынѣшней Иркутской губерніи огромнѣйшее значеніе имѣлъ Енисейскій острогъ, построенный, какъ это можно предполагать, въ 1618 году, то-есть около 300 лѣтъ тому назадъ. Отъ Енисейска открывался прямой путь на востокъ по р. В.-Тунгускѣ, или Ангари, и этимъ путемъ русскіе люди широко пользовались, въ поискахъ новыхъ земель и новыхъ народовъ. Ангара пособила русскимъ завоевателямъ занять и Лену, и Камчатку, и Амуръ. Съ самыхъ же первыхъ лѣтъ существованія «новонаселяемаго» города Енисейска вниманіе енисейцевъ не переставали привлекать *тунгусы*, занимавшіе къ тому времени все нижнее теченіе р. Ангары. Уже въ 1619 году пелымскій сынъ боярскій Петръ Албичевъ и казакъ Черкасъ Рукинъ, основатели остроговъ Маковского и Енисейскаго, отправили нѣкоторое число казаковъ на Тунгуску, чтобы требовать

*) Изложено преимущественно по Фишеру и Оглоблину.

ясакъ, т. е. дань пушниною, съ живущихъ тамъ тунгусовъ. Если нѣкоторые тунгусскіе князья и быстро соглашались платить ясакъ, опасаясь неравной борьбы съ пришельцами, то другіе оказывали сопротивленіе.

Это сопротивленіе приводило къ тому, что военно-служилое населеніе Енисейскаго острога умножалось присылкою новыхъ партій казаковъ; слѣдовало строгое наказаніе ослушниковъ, если не помагало увѣщаніе, и въ результатъ объясаченные инородцы въ изобиліи несли соболей въ Енисейскъ.

Съ 1621 года въ теченіе 4-хъ лѣтъ, въ Енисейскѣ былъ изобильный сборъ соболей. Тунгусы приходили въ Енисейскъ со всѣхъ сторонъ, верхнихъ и нижнихъ мѣстъ р. Енисея, Тунгуски Подкаменной и другихъ рѣкъ и приносили ясакъ. Нѣкоторые приходили въ собольихъ шубахъ, у другихъ лыжи соболями были подбиты; самые бѣдные изъ тунгусовъ приносили въ подарокъ по десяти соболей. Въ Енисейскѣ «все принимали, не презирая ни изношенныхъ собольихъ шубъ, ниже подошвъ; и думали, что тунгусы могутъ и олениною довольствоваться, да и на лыжи она удобнѣе соболей».

Не такъ долго продержалось спокойное поведеніе тунгусовъ. Въ 1624 году случилось «малое смятеніе»: на посланнаго изъ Енисейска на р. Тунгуску для «обыкновен-

наго ясашнаго сбора» стрѣлецкаго пятидесятника Савина напали тунгусы и порубили нѣсколько человѣкъ изъ его отряда, принудивъ Савина отступить къ Енисейску. Для приведенія въ послушаніе возмущившихся тунгусовъ весною 1625 года былъ снаряженъ изъ Енисейска атаманъ Василій Тюменецъ съ 25-ю казаками, но и этотъ, потерпѣвъ уронъ отъ тунгусовъ, долженъ былъ также вернуться назадъ.

Начавшіяся безпокойства изъ-за тунгусовъ помѣшали осуществленію предпріятія атамана Василя Алексѣева, котораго енисейскій воевода посылалъ въ верхнія мѣста Тунгуски, т.-е. уже въ предѣлы нынѣшней Иркутской губерніи, чтобы испытать, не возможно ли будетъ взять ясакъ съ бурятъ, о которыхъ енисейцы получили опредѣленные извѣстія еще въ 1622 году.

Съ этихъ поръ буряты становятся предметомъ особеннаго вниманія енисейскихъ служилыхъ людей.

Въ 1627 году выступилъ изъ Енисейска извѣстный въ лѣтописяхъ Восточной Сибири служилый челоѣкъ Максимъ Перфирьевъ, съ 40 казаками, вверхъ по р. Тунгускѣ, съ вполнѣ опредѣленною цѣлью: привести въ «вѣчное ясачное холопство» бурятъ. Перфирьевъ, первый изъ служилыхъ людей, дошелъ съ казаками до устья р. Илима и

далѣе вверхъ до бурятскихъ кочевьевъ по р. Ангарѣ; по дорогѣ онъ построилъ нѣсколько зимовьевъ и «положилъ въ ясакъ» встрѣчныхъ тунгусовъ. На обратномъ пути Перфирьевъ потерпѣлъ нападеніе отъ послѣднихъ, «такъ что съ великою нуждою могъ отъ нихъ отойти и сберечь яшашную казну», и возвратился въ Енисейскъ весною 1628 г., привезя съ собою болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о бурятахъ.

Было ясно, что для болѣе успѣшныхъ походовъ къ бурятскимъ кочевьямъ необходимо было такъ или иначе укрѣпиться на р. Тунгускѣ и обезопасить себя отъ нападеній тунгусовъ,—это могло быть достигнуто постройкою острога. Въ 1628 г. сотникъ Петръ Бекетовъ съ партіей казаковъ построилъ на берегу р. Тунгуски Рыбенскій острогъ и тотчасъ же, послѣ окончанія постройки острога, двинулся съ 30 спутниками въ походъ противъ бурятъ. Онъ продвинулся вверхъ по р. Ангарѣ далѣе Перфирьева и проѣхалъ на стругахъ и каюкахъ, особыхъ большихъ лодкахъ, всѣ ангарскіе пороги. Съ большими приключеніями онъ доплылъ до устья р. Оки, гдѣ встрѣтилъ бурятъ и взялъ съ нихъ первый ясакъ.

Въ 1630 г. Бекетовъ счастливо вернулся съ богатою добычею въ г. Енисейскъ: буряты, заплатившіе Бекетову ясакъ, были

почтены «за дѣйствительныхъ подданныхъ Россійскаго государства». Вслѣдъ за Бекетовымъ, въ началѣ 1629 г., отправился въ походъ въ землю бурятскую бывший енисейскій воевода стольникъ Яковъ Хрипуновъ съ людьми, собранными изъ разныхъ сибирскихъ городовъ.

Въ этомъ походѣ Якова Хрипунова интересовало, помимо ясака, то серебро, которымъ буряты любили украшать нѣкоторыя свои издѣлія: въ Москвѣ были получены извѣстія, что по р. Тунгускѣ, т. е. Ангартѣ, находятся даже мѣсторожденія серебряной руды. Хрипуновъ получилъ порученіе провѣрить эти извѣстія, и къ его отряду былъ прикомандированъ специальный «плавильщикъ и серебряный мастеръ» Иванъ Рѣпа, взятый изъ Московской оружейной палаты.

Когда Хрипуновъ былъ уже въ дорогѣ, то вслѣдъ за нимъ на подмогу были посланы казаки изъ поднявшаго въ то время бунтъ гарнизона Красноярскаго острога. Красноярскіе казаки нагнали Хрипунова и плыли вмѣстѣ съ нимъ до устья р. Оки, но отсюда они, послушившись воеводы, повернули назадъ и вернулись въ Енисейскъ, приведя съ собою въ полонъ бурятскихъ «женъ, дѣвокъ и малыхъ дѣтей»; невольники были отняты у своевольныхъ казаковъ, ибо по-

лагалось, что буряты, заплатившіе ясакъ Бекетову, числились русскими подданными, а таковыхъ запрещалось приводить въ рабство.

На цѣлыхъ 20 судахъ Хрипуновъ доплылъ до устья р. Илима; здѣсь онъ оставилъ 20 человѣкъ для окарауливанія судовъ и затѣмъ 30 другихъ отправилъ на р. Лену «для учиненія новыхъ открытій и завоеваній», а самъ съ остальными спутниками пошелъ *сухимъ путемъ* вверхъ по р. Ангарѣ и у р. Оки вступилъ въ сраженіе съ бурятами. Исходъ этого сраженія неизвѣстенъ, но, повидимому, буряты оказали Хрипунову рѣшительное сопротивленіе, и это принудило Хрипунова вернуться назадъ къ устью р. Илима, къ оставленнымъ имъ судамъ. Здѣсь Хрипуновъ занемогъ и скончался. Люди изъ его отряда вернулись въ Енисейскъ, и большая часть ихъ разбрелась затѣмъ по различнымъ сибирскимъ острогамъ. Казаки привели съ собою въ Енисейскъ бурятскихъ невольниковъ, главнымъ образомъ женщинъ, но эти невольники вторично были отняты у казаковъ.

Сопротивленіе бурятъ повело къ тому, что для болѣе успѣшной борьбы съ ними было рѣшено построить въ бурятской землѣ острогъ; для постройки острога было выбрано мѣсто около устья р. Оки. Съ этою

цѣлью выступилъ изъ Енисейска упомянутый выше атаманъ Максимъ Перфирьевъ съ 30-ю казаками и двумя малыми пушками; вмѣстѣ съ нимъ было отправлено назадъ нѣсколько плѣнныхъ бурятъ. Перфирьевъ, доплывъ до Шаманскаго порога, оставилъ здѣсь всѣ свои суда и припасы подъ присмотромъ 15-ти казаковъ, а съ остальными 15-ю казаками пошелъ сухимъ путемъ къ бурятамъ, возвратилъ въ надлежащихъ мѣстахъ плѣнныхъ, получивши за это въ подарокъ отъ бурятъ 15 соболей; но острога строить, за малымъ числомъ людей у него, не рѣшился.

Въ 1631 г. были снова посланы 50 казаковъ съ двумя предводителями для постройки острога около устья р. Оки, для усмиренія бурятъ; казаки построили острогъ и назвали его *Братскимъ*, и это было *первымъ русскимъ поселеніемъ въ предѣлахъ нынѣшняго Нижнеудинскаго уѣзда Иркутской губерніи*. Въ началѣ существованія этого острога, на недолгое время, былъ его управителемъ Перфирьевъ, и пока послѣдній былъ здѣсь, буряты вели себя спокойно и платили ясакъ, но какъ только Перфирьевъ удалился изъ Братскаго острога, буряты, согласившись съ тунгусами, отказали русскимъ въ платежѣ ясака. Одному изъ казацкихъ предводителей въ острогѣ, Москвитину, буряты да-

же дали знать, чтобъ онъ «не отваживался впредь требовать ясаку съ нихъ или съ ихъ союзниковъ тунгусовъ»; въ противномъ случаѣ они причинятъ русскимъ столько вреда, сколько могутъ, *и порубятъ всѣхъ, кто имъ въ руки ни попадется.*

Послѣ этого енисейцы снаряжаютъ и отправляютъ противъ бурятъ одинъ отрядъ за другимъ.

Въ 1633 г. былъ отправленъ въ Братскій острогъ отрядъ казаковъ въ 60 человекъ подъ предводительствомъ Дунаева; этотъ отрядъ потерпѣлъ жестокое пораженіе: *буряты перебили почти весь отрядъ, убили самого Дунаева и овладѣли ружьями, порохомъ и пулями убитыхъ.* По преданію, Дунаевъ погибъ по р. Окѣ, въ восьми верстахъ отъ устья этой рѣки. Вѣроятно, память о погибшемъ сохраняется въ названіи рѣки Дунаевой, впад. въ р. Ангару съ правой стороны, ниже Падуна. Получивши извѣстіе о гибели отряда Дунаева, енисейцы въ 1635 году отправили вновь къ Братскому острогу 100 казаковъ во главѣ съ Николаемъ Радуковскимъ, который усмирить бурятъ и принудилъ ихъ платить ясакъ. Походъ Радуковскаго необходимо отмѣтить, такъ какъ послѣ него русскіе начинаютъ болѣе успѣшно продвигаться вверхъ по р. Ангарѣ, вглубь бурятскихъ кочевьевъ.

Въ 1637 году казацкій сотникъ Василій Черменинъ положилъ въ ясакъ тунгусовъ и бурятъ, обитавшихъ по приангарской долинь на пространствѣ отъ р. Оки до р. Уды, въ предѣлахъ сѣверной части нынѣшняго Балаганскаго уѣзда. Объясаченные Черменинымъ буряты въ 1638 году пытались-было не платить ясака посланнымъ для этой цѣли казакамъ; но въ слѣдующемъ же году они были усмирены боярскимъ сыномъ Ильей Барловымъ. Такимъ образомъ, къ концу 30 годовъ XVII вѣка «уѣздъ Братскаго острога» распространился вверхъ по Ангарѣ до р. Уды.

Буряты, жившіе въ этомъ районѣ, время отъ времени возмущались, но сломить владычества русскихъ не могли; большое участіе въ судьбахъ острога принималъ Максимъ Перфирьевъ, бывшій неоднократно управителемъ этого острога. Острогъ нѣсколько разъ переносился съ мѣста на мѣсто, пока въ 1654 году онъ, наконецъ, по приказанію енисейскаго воеводы Аѳанасія Пашкова, не былъ перенесенъ на то мѣсто, гдѣ нынѣ находится село Братское Нижнеудинскаго уѣзда. Отъ этого острога сохранились до нашего времени двѣ угловыя башни, къ сожалѣнію, мало до сихъ поръ изученныя и описанныя.

Одновременно съ движеніемъ русскихъ

по Ангарѣ, казацкіе отряды переходили на р. Лену, двигались по послѣдней какъ вверхъ, такъ и внизъ, и постепенно занимали Приленскій край.

Съ 1641 года, наряду съ Братскимъ острогомъ, грозное значеніе для бурятъ пріобрѣтаетъ только-что возникшій *острогъ Верхоленскій*. Съ основаніемъ послѣдняго были покорены верхоленскіе буряты, но помимо этого, верхоленскій острогъ высылалъ время отъ времени отряды и противъ *ангарскихъ* бурятъ, кочевавшихъ въ районахъ рѣкъ Иды, Осы и Унги.

Въ 1644 г. управитель Верхоленскаго острога, казацкій пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ совершилъ походъ противъ приангарскихъ бурятъ и получилъ съ нихъ ясакъ.

Въ 1646 г. боярскій сынъ Алексѣй Бедаревъ ходилъ изъ Верхоленскаго острога противъ бурятъ за р. Ангару, и въ началѣ похода его былъ успѣшенъ, но при обратномъ походѣ его встрѣтили на правомъ берегу р. Ангары буряты, въ числѣ 2000 человекъ, и «такъ на него жестоко напали, что тотчасъ въ первомъ жару шестнадцать человекъ Россіанъ легло на мѣстѣ; бывшіе при семъ сраженіи признались, что ежели бы буряты толь храбро бой свой продолжили, или бы учинили еще нападеніе съ равною

бодростью, то бы ни одинъ Россіанинъ не спасся», но буряты при дальнѣйшемъ сопротивленіи казаковъ дали послѣднимъ возможность безъ препятствій вернуться въ Верхоленскъ.

Въ 1648 г. московскій дворянинъ Василій Нефедьевъ совершилъ изъ Верхоленска съ казаками и промышленными людьми походъ противъ *унинскихъ бурятъ*. Потерявши въ стычкахъ съ бурятами нѣсколько чело-вѣкъ изъ своего отряда, Нефедьевъ въ общемъ благополучно вернулся въ Верхоленскъ и привелъ съ собою плѣнныхъ бурятъ. Въ борьбѣ съ бурятами Верхоленскій острогъ получалъ подкрѣпленія изъ *Илимска*, часто по приказаніямъ изъ *Якутска*. Въ 40-хъ годахъ XVII-го столѣтія движеніе казацкихъ отрядовъ по р. Ангартъ совершается уже часто и болѣе или менѣе безпрепятственно; Ангарою пользуются, какъ путемъ, ведущимъ къ Байкалу и далѣе къ Забайкалью.

Отправленный изъ Енисейска на Байкалъ атаманъ Василій Колесниковъ, двигаясь по р. Ангартъ, въ 1644 г. построилъ при устьѣ р. Осы острогъ, «дабы укрощать живущихъ около бурятъ», и въ этомъ острогѣ зимовалъ, чтобы весною слѣдующаго года двинуться далѣе. «Такое предпріятіе Верхоленцами, кои всю землю между Леною

и Ангарою себѣ въ мысляхъ присвоили, почтено было за нарушеніе ихъ правъ, и верхоленскій управитель протестовалъ противъ того письмомъ, къ Колесникову посланнымъ. Но сей приводилъ въ оправданіе свои наказы, въ коихъ не положено ему изъятія ни къ какимъ мѣстамъ, а предписано было наложить ясакъ на всѣхъ новыхъ народовъ, подъ Россійскою державою не состоящихъ. Однако, ссора кончилась, какъ скоро зима наступила; Колесниковъ въ 1645 г. продолжалъ путь свой на Байкаль и оставилъ острогъ впустѣ, безъ гарнизона», послѣ чего пришли буряты и до основанія его разорили.

Около этого же времени приангарскіе буряты становятся предметомъ нападеній и домогательствъ по ясашному сбору со стороны *красноярскихъ казаковъ* Удинскаго острога; эти казаки совершили въ 1647 году удачный походъ противъ бурятъ, жившихъ у рѣкъ Ии и Оки, и затѣмъ пытались подчинить себѣ *болоитовъ*, т. е. бурятъ, кочевавшихъ въ районѣ рѣкъ Осы и Унги. Это выступленіе красноярскихъ казаковъ повело къ вооруженному столкновенію ихъ съ енисейцами; послѣдніе вышли побѣдителями въ спорѣ.

Въ 1646 г. енисейцы, не получивши никакихъ извѣстій о походѣ Колесникова,

послали на смѣну ему на Байкаль боярскаго сына Ивана Похабова. Двигаясь по р. Ангартъ, онъ такъ же, какъ и Колесниковъ, потребовалъ ясакъ съ осинскихъ бурятъ и построилъ вновь *Осинскій острогъ*, но на этотъ разъ мѣстомъ для постройки острога Похабовъ выбралъ островъ, находящійся противъ устья р. Осы; доплывши затѣмъ до р. Иркуты, онъ положилъ въ ясакъ кочевавшихъ по этой рѣкѣ бурятъ, а отсюда въ 1647 г. отправился на Байкаль.

При второмъ своемъ походѣ на Байкаль Иванъ Похабовъ выстроилъ въ 1652 г. при устьѣ р. Иркуты зимовье, чтобы было «способнѣе собирать» ясакъ съ иркутныхъ бурятъ, и это были первоначальнымъ поселеніемъ нынѣшняго города Иркутска.

Съ этого времени все Приангарье, въ предѣлахъ нынѣшней Иркутской губерніи, было уже окончательно занято русскими; оставалось еще построить остроги по р. Ангартъ, такъ какъ къ этому времени на всемъ протяженіи Ангары отъ устья Оки до Байкала не было ни одного острога, кромѣ Осинскаго, отсутствіе же таковыхъ препятствовало, конечно, укрѣпленію русской власти въ краѣ.

По приказанію енисейскаго воеводы Аѳанасія Пашкова, сынъ боярскій Дмитрій Фирсовъ построилъ въ 1654 году Балаганъ.

скій острогъ, въ шести верстахъ выше устья р. Унги. «Едва построень былъ острогъ, какъ уже 1700 бологатовъ учинили вѣрности присягу, и Фирсовъ въ мысляхъ своихъ уже себѣ представилъ, что онъ овладѣлъ всею Ангараю даже до самаго Байкала. Да и новые подданные подали ему добрую къ тому надежду и обѣщались свести Россіанъ къ своимъ одноземцамъ, на рѣкахъ Бѣлой, Китоѣ и Иркутѣ живущимъ, и склонить ихъ къ равномѣрному подданству. Однако, легче нѣчто затѣвать, нежели производить въ дѣйство, и вмѣсто того, чтобы новыхъ приобрести подданныхъ, скоро и снисканные были потеряны». И это случилось вотъ почему. Въ 1657 году управителемъ Балаганскаго острога сдѣлался извѣстный намъ Иванъ Похабовъ, основатель г. Иркутска и гроза сибирскихъ инородцевъ. Какъ правитель, онъ былъ чрезвычайно жестокъ, и на него безпрестанно приносили жалобы русскіе, тунгусы и буряты; въ особенности онъ былъ жестокъ по отношенію къ послѣднимъ. Жестокое обращеніе Похабова съ инородцами повело къ тому, что въ 1658 году между балаганскими бурятами произошло всеобщее возмущеніе, и они, перебивши посланныхъ къ нимъ для сбора ясака русскихъ, разбѣжались изъ своихъ земель къ монголамъ», и окрестъ Балаганска стало

пусто: въ 1659 г. сюда ясака уже почти не поступало. Приѣхавшій со 150 казаками на смѣну Похабова новый управитель Балаганскаго острога Яковъ Тургеневъ разслѣдовалъ жалобы на Похабова, нашелъ его виновнымъ, арестовалъ и отправилъ подъ карауломъ въ Енисейскъ. Около Шаманскаго порога по р. Ангарѣ Похабовъ ушелъ изъ-подъ караула и скрылся.

Въ 1661 году братъ Ивана Похабова, Яковъ, по приказу енисейскаго воеводы Ив. Ржевскаго, построилъ по р. Ангарѣ, противъ устья Иркута, *острогъ Иркутскій*, «который заложить прежде его многіе тщетно старались».

Нужно полагать, что позднѣе, въ цѣляхъ дальнѣйшаго укрѣпленія въ краѣ и большей успѣшности по сбору ясака, по р. Ангарѣ и ея притокамъ были выстроены и другіе остроги: *Яндинскій, Идинскій, Голуметскій, Бѣльскій и Тункинскій*.

Послѣдній, какъ объ этомъ можно предполагать на основаніи сохранившихся отъ того времени бумагъ, былъ построенъ въ 1674 году, т. е. черезъ 13 лѣтъ послѣ постройки острога Иркутскаго.

Остроги Тункинскій, Бѣльскій и Голуметскій должны были защищать завоеванный русскими край отъ нападеній монголовъ. Въ 1683 году подъ Тункинскій острогъ

пришло много монголовъ, которые осадили этотъ острогъ, но взять его не смогли и принуждены были удалиться. За этотъ подвигъ тункинскіе казаки получили затѣмъ царскую награду: по кумачу на человѣка.

Таковы были «дѣла русскихъ» по р. Ангарѣ и ея притокамъ; завоеваніе же русскими Приленскаго края и Прибайкалья шло въ слѣдующемъ порядкѣ.

Какъ уже было помянуто выше, въ 1627 г. Максимъ Перфирьевъ дошелъ со своимъ отрядомъ до устья р. Илима; здѣсь Перфирьевъ взялъ ясакъ съ илимскихъ тунгусовъ. Въ 1628 г., для продолженія начатаго Перфирьевымъ дѣла, былъ посланъ на Илимъ десятникъ Василій Бугоръ. Онъ пошелъ по р. Илиму вверхъ, а затѣмъ по правому притоку Илима, Игирмѣ, перевалилъ на р. Куту, по теченію которой *«слѣдовалъ до ея устья къ славной въ свѣтъ и великой рѣкѣ Ленѣ»*; по дорогѣ Бугоръ встрѣтился съ 30 казаками, посланными въ 1629 г. на Лену воеводою Хрипуновымъ, и нѣкоторые изъ нихъ пристали къ отряду Бугора. Выйдя на р. Лену, Василій Бугоръ отправился со своимъ отрядомъ внизъ по этой рѣкѣ и доплылъ до устья р. Чаи, отбирая со всѣхъ встрѣчныхъ инородцевъ ясакъ. Въ 1630 году онъ вернулся въ Енисейскъ, оставивши для ясашнаго сбора всего только 4-хъ казаковъ изъ

своего отряда у устья р. *Кирени* и двухъ у устья р. *Куты*: такъ не страшны были для русскихъ киренскіе тунгусы.

«Привезенные въ великомъ числѣ Васильемъ Бугоромъ хорошіе соболі енисейцамъ чрезмѣрно понравились, такъ что они вознамѣрились того же еще года отправить другую экспедицію подъ предводительствомъ атамана Ивана Галкина»; енисейцы «дали ему 30 человекъ и наказъ, по которому надлежало ему смотрѣть за ясашнымъ сборомъ у р. Илима, послѣ идти на р. Лену и построить при ней острогъ; при томъ велѣно было ему объѣхать Лену во всѣ стороны, стараться склонять тамошнихъ народовъ обыкновеннымъ образомъ, т. е. ласкою, къ послушанью и платежу ясака и, наконецъ, навѣдаться обстоятельно, коимъ образомъ впредь поступать должно для дальнѣйшаго распространенія російской власти». Путь, по которому до этого времени ходили русскіе на Лену и по которому прошелъ Василій Бугоръ, показался Галкину очень далекимъ, и онъ отъ одного тунгуса узналъ, что можно еще дня два плыть, не поворачивая на р. Игирму, по Илиму далѣе вверхъ, и оттуда весьма близко будетъ перебраться сухимъ путемъ на рѣку Купу, а по послѣдней выйти на Куту и Лену. Галкинъ послѣдовалъ совѣту тунгуса и отправился

вверхъ по р. Илимѣ; въ томъ мѣстѣ, откуда долженъ былъ начаться переходъ сухимъ путемъ на Купу, онъ построилъ нѣсколько зимовьевъ для ясашнаго сбора. *Это русское поселеніе, получившее въ началѣ названіе «Ленскій Волокъ» и затѣмъ превратившееся въ городъ Илимскъ, было первымъ, по времени его основанія, въ нынѣшнемъ Киренскомъ уездѣ.*

Съ «Ленскаго Волока» Галкинъ послалъ десятника Илью Ермолина съ пятью казаками на Лену. Эти при устьѣ р. Куты нашли оставленныхъ Васильемъ Бугоромъ двухъ казаковъ и два судна. Сѣвши на суда, Ермолинъ со спутниками отправился внизъ по р. Ленѣ, доплылъ до устья Киренги, но здѣсь онъ не нашелъ остальныхъ 4-хъ казаковъ, покинутыхъ Бугоромъ. Тунгусы сообщили Ермолину, что эти казаки вмѣстѣ съ пришедшими изъ *Туруханска по Нижней Тунгускѣ промышленными людьми отплыли по Ленѣ въ землю якутовъ**). Съ устья Киренги Ермолинъ отправился въ устье Чаи, здѣсь онъ получилъ подробныя свѣдѣнія объ якутахъ. Ермолинъ узналъ, что якуты живутъ далѣе, внизъ по р. Ленѣ, имѣютъ въ изобиліи скотъ и никому не подвластны: ему, съ его семью казаками, сильно «восхотѣ-

*) Въ 1630 г. прошелъ на р. Лену по Н-Тунгускѣ отрядъ майгазейскихъ казаковъ подъ начальствомъ Васильева, съ приказаніемъ покорить страну.

лось дойти до жилищъ сего народа»; но начавшіеся холода и основанныя на разсказахъ чайскихъ тунгусовъ предположенія, что отряду Ермолина могутъ быть опасны тунгусы съ Нижней Тунгуски, принудили казаковъ вернуться къ Илимѣ; по дорогѣ казаки едва не померли отъ голода изъ-за недостатка припасовъ. Почти въ это же самое время Галкинъ послалъ *четырехъ казаковъ* въ верхнія мѣста р. Лены къ тунгусамъ и бурятамъ. Казаки добрались до стойбищъ тутурскихъ тунгусовъ, платившихъ ясакъ верхоленскимъ бурятамъ, и казаки, безъ особыхъ затрудненій, взяли съ тунгусскаго князца Липки согласіе платить ясакъ русскимъ. Идти далѣе, къ верхоленскимъ бурятамъ, казаки, «будучи въ столь маломъ числѣ», не отважились.

Весною 1631 года вышелъ изъ «Ленскаго Волока» на р. Лену атаманъ Галкинъ, но, вмѣсто острога, какъ это было ему приказано, построилъ на устьѣ р. Куты зимовье и затѣмъ вернулся назадъ, къ р. Илимѣ, а отсюда—въ Енисейскъ, оставивши на Илимѣ вмѣсто себя присланнаго изъ Енисейска сотника Петра Бекетова, прославившагося тремя годами ранѣе своимъ походомъ противъ ангарскихъ бурятъ. Бекетовъ прибылъ съ отрядомъ до 30 казаковъ, изъ которыхъ десять онъ оставилъ въ Усть-Кутѣ, а съ

остальными пошелъ въ 1631 году вверхъ по р. Ленѣ. Въ теченіе пяти дней онъ добрался отъ Усть-Куты до устья р. Куленги, гдѣ и вышелъ со своимъ отрядомъ на берегъ. Двинувшись вглубь Куленгской долины, Бекетовъ вскорѣ же встрѣтился съ бурятами, числомъ до 200 человекъ, которые, примѣтя, что ихъ открыли, «съ поспѣшеніемъ ударились въ бѣгъ». Бекетовъ не ожидалъ добра отъ этихъ людей, и такъ какъ былъ поблизости лѣсъ, то онъ сдѣлалъ для своей безопасности засѣку изъ деревьевъ и хвороста и послалъ къ бурятамъ толмача-тунгуса съ совѣтомъ, чтобы буряты, по примѣру всѣхъ другихъ сибирскихъ инородцевъ, добровольно покорились и согласились платить русскимъ ясакъ. Буряты черезъ толмача отвѣтили русскимъ, чтобы послѣдніе подождали дня два: старшины бурятскіе сами соберутъ со своихъ сородичей требуемый ясакъ, а затѣмъ не замедлятъ принести его русскимъ. По прошествіи указаннаго времени, пришли къ Бекетову два бурятскихъ князца, въ сопровожденіи 60 человекъ. Пустили пришедшихъ въ засѣку, отобравши предварительно отъ нихъ луки и стрѣлы; буряты преподнесли русскимъ своеобразный ясакъ: пять худыхъ лѣтнихъ соболей и одну красную лисицу, на который почти волосъ не было.

«Сіе Бекетовъ почелъ за безчестіе и, видя, что ласковыя его представленія ничего не помогаютъ, началъ говорить съ бурятами гораздо суровѣе и угрожалъ имъ царскимъ гнѣвомъ; напротивъ чего и буряты съ равною жестокостію поступили и отнюдь не хотѣли слышать ни объ ясакѣ, ниже о подданствѣ, но, вынувъ долгіе свои ножи и кинжалы, которые спрятаны были у нихъ подъ шубами, напали вдругъ на Россіянь. Но сіи прежде уже приготовились къ браніи и перестрѣляли или перерубили 40 человекъ изъ бурятъ, а прочіе тяжело были ранены». Русскіе со своей стороны потеряли убитыми только трехъ тунгусовъ, въ томъ числѣ упомянутаго выше князца Липку, и одинъ казакъ былъ тяжело раненъ. Послѣ этого Бекетовъ, предвидя для себя опасность отъ начавшихъ отовсюду собираться бурятъ, сдѣлалъ вылазку, захватилъ у послѣднихъ столько лошадей, сколько нужно было для отряда, и ударился въ бѣгъ по направленію къ устью р. Тутуры. Здѣсь онъ могъ уже считать себя въ безопасности, такъ какъ кругомъ жили союзные русскимъ тунгусы. Р. Тутура со своими притоками близко подходитъ къ Киренгѣ; по ней во времена Бекетова жило много тунгусовъ. Для того, чтобы было удобнѣе собирать ясакъ съ тутурскихъ тунгусовъ и защищать по-

слѣднихъ отъ нападеній бурятъ, а также и для того, чтобы облегчить затѣмъ покореніе киренскихъ тунгусовъ, Бекетовъ заложилъ при устьѣ р. Тутуры острогъ, оставилъ въ немъ десять казаковъ, а самъ къ осени того же 1631 года возвратился въ Усть-Кутъ, гдѣ и провелъ всю зиму. *Тутурскій острогъ былъ первымъ русскимъ поселеніемъ въ предѣлахъ нынѣшняго Верхоленскаго уѣзда.* Въ слѣдующемъ году Бекетовъ отправился съ небольшимъ числомъ казаковъ изъ Усть-Кута внизъ по р. Ленѣ къ якутамъ, проплылъ Леною далеко внизъ и здѣсь, въ предѣлахъ нынѣшней Якутской области, заложилъ Якутскій острогъ (1632 г.), скоро затѣмъ превратившійся въ воеводскій городъ*).

Дальнѣйшее завоеваніе Верхоленскаго края уже происходило подъ руководствомъ якутскихъ воеводъ; тунгусы этого края учинили въ 1640 г. рядъ насилій надъ сборщиками ясаку. Для приведенія ихъ въ послушаніе, а также для того, чтобы навѣстить жившихъ въ верхнихъ мѣстахъ Лены бурятъ, былъ отправленъ въ указанномъ году изъ Илимска пятидесятникъ Василій Витизевъ съ десятью казаками. Большую часть тунгусовъ, которыхъ Витизевъ нашелъ на

*) Исторія приписываетъ Бекетову основаніе слѣдующихъ остроговъ: Рыбинскаго, Тутурскаго, Олекминскаго, Якутскаго и Иргенскаго.

своемъ пути, послѣдній склонилъ къ платежу ясака. При устьѣ р. Куленги встрѣтился съ Витизевымъ тунгускій князецъ Мошеуль, который прежде бывалъ у русскихъ въ Усть-Кутѣ и охотно соглашался платить ясакъ. Мошеуль оказалъ Витизеву различныя услуги: онъ сообщилъ ему свѣдѣнія о состояніи Верхоленскаго края до самаго Байкала; и такъ какъ Витизевъ хотѣлъ по этому краю разослать своихъ казаковъ для сбора ясака съ тунгусовъ, то Мошеуль предложилъ къ его услугамъ проводниковъ изъ числа своихъ людей. По предложенію Витизева, Мошеуль ходилъ и къ жившимъ у устья р. Анги бурятамъ съ требованіемъ уплаты русскимъ ясака. Одни изъ ангинскихъ бурятъ отказались платить ясакъ, заявивши, что они должны платить таковой жившимъ по ту сторону Байкала «монголамъ»; другіе же просили отсрочки, указывая на то, что имъ необходимо прежде посоветоваться со своими сородичами. Покончивши свои дѣла съ тунгусами, Витизевъ возвратился въ Илимскъ. Здѣсь, по приказанію якутскихъ воеводъ, уже готовились къ походу противъ верхоленскихъ бурятъ.

Въ жестокіе морозы 1641 года выступилъ изъ Илимска въ походъ противъ бурятъ сынъ боярскій Василій Власевъ съ цѣлою сотнею казаковъ. Въ три недѣли ка-

заки дошли на лыжахъ до бурятъ и неожиданно напали на нихъ. Буряты не могли, при такомъ неожиданномъ нападеніи на нихъ, оказать русскимъ сколько-нибудь серьезнаго сопротивленія. Застигнутый врасплохъ бурятскій князецъ Чепчугай отчаянно защищался стрѣлами изъ своей юрты. «Вы не знаете еще Чепчугая»,—кричалъ онъ русскимъ, безпрестанно стрѣляя въ нихъ, пока русскіе не подожгли юрты, въ которой онъ засѣлъ. Послѣ стычки съ бурятами Власевъ сталъ отступать. Буряты оправились отъ страха, и *Курушумъ*, братъ Чепчугая, собравши около себя до 200 бурятъ, немедленно погнался за отступавшимъ непріателемъ. Курушумъ рѣшилъ отомстить русскимъ за нападеніе и отобрать взятыхъ послѣдними плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ былъ и его сынъ, *Чевдакомъ*. Завязалось кровопролитное сраженіе, которое продолжалось съ утра до самаго вечера; многіе изъ казаковъ были тяжело ранены, но русскіе все же обратили бурятъ въ бѣгство и нанесли имъ большія потери. Послѣ этого сраженія буряты вступили въ переговоры съ казаками. Власевъ приказалъ сказать Курушуму, что если онъ признаетъ надъ собою власть русскихъ и согласится со своимъ народомъ платить ясакъ, то всѣ плѣнные будутъ отданы ему на выкупъ, за исключе-

ніемъ его сына, Чевдакома, котораго русскіе хотѣли удержать у себя въ качествѣ *аманата* (заложника). Куршумъ согласился на выкупъ плѣнныхъ, а вмѣсто Чевдакома предложилъ въ аманаты себя, на что Власьевъ охотно согласился. Казаки возвратились затѣмъ въ Усть-Куть, пробывши въ походѣ два мѣсяца.

Походы Бекетова, Витизева и Власьева выяснили, что для того, чтобы держать верхоленскихъ бурятъ въ смиреніи, необходимо выстроить въ ихъ землѣ острогъ; наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для постройки острога былъ признанъ берегъ Лены, около устья р. Куленги. Для постройки этого острога былъ отправленъ изъ Усть-Кута въ 1641 г. казацкій пятидесятникъ Мартынъ Васильевъ съ пятьюдесятью казаками. Онъ отплылъ съ четырьмя большими нагруженными дощаниками; на пути, вслѣдствіе мелководья Лены, принужденъ былъ оставить дощаники и перегрузиться на лодки. Не дойдя 4-хъ верстъ до устья р. Куленги, Васильевъ высадился на правый берегъ Лены и здѣсь, на высокомъ и крутомъ мѣстѣ, построилъ острогъ Верхоленскій, черезъ 6 лѣтъ, т. е. въ 1647 г., перенесенный на новое мѣсто, противъ устья р. Куленги.

О первоначальномъ построеніи Верхоленскаго острога служилый человѣкъ Кур-

бать Ивановъ писалъ въ 1646 г. слѣдующее: «Верхоленскій Братскій острожекъ поставленъ не у мѣста, потому что то мѣсто не усторожливо и не караулисто, и пашенныхъ мѣстъ и сѣнныхъ покосовъ по близе нѣтъ», и что острожекъ поставленъ на этомъ мѣстѣ въ 1641 г. совершенно случайно, такъ какъ именно здѣсь «заморозъ засталъ» отрядъ въ 50 человекъ пятидесятника Мартына Васильева. По мнѣнію Курбата Иванова, острожекъ слѣдуетъ перенести на «угожес мѣсто», на 4 версты выше по р. Ленѣ до усть-Куленги: здѣсь будетъ «караулисто», да и «луговыхъ мѣстъ довольно» — на 4 версты вверхъ и внизъ по р. Ленѣ; есть тутъ и «пашенныя мѣста» — вверхъ по р. Куленгѣ на 10 верстъ, затѣмъ рыбныя ловли, звѣриные промыслы и пр. Можно предположить, что именно по «представленію» Курбата Иванова Верхоленскій острогъ и былъ перенесенъ на новое мѣсто, къ устью р. Куленги. Нужно думать, что верхоленскіе казаки, нападая на ангарскихъ бурятъ, ходили въ походы по р. Куленгѣ и ея лѣвымъ притокамъ, которые своими вершинами весьма близко подходятъ къ притокамъ р.р. Иды и Осы, впадающихъ справа въ р. Ангарау.

Въ 1644 г. управитель Верхоленскаго округа Курбать Ивановъ совершилъ походъ противъ ангарскихъ бурятъ, неожи-

данно для послѣднихъ, и возвратился въ острогъ не безъ добычи.

Это нападеніе встревожило ангарскихъ бурятъ, а они, соединясь съ верхоленскими, сдѣлали въ свою очередь осенью того же года нападеніе на Верхоленскій острогъ, причемъ отбили у верхоленскаго гарнизона стада. Въ половинѣ зимы буряты въ большомъ числѣ снова подступили къ острогу, держали нѣкоторое время его въ осадѣ и совершили затѣмъ набѣгъ до устья р. Тутуры, угрожали продвинуться и далѣе къ Усть-Куту и преградить русскимъ выходъ на р. Лену. Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ этого, въ 1645 г. буряты въ третій разъ подошли къ Верхоленскому острогу въ числѣ 2000 человекъ. Они всѣ были на лошадяхъ, оружіе ихъ состояло изъ луковъ, стрѣлъ, дротиковъ и сабель; многіе изъ нихъ имѣли и панцыри. Буряты, осадивши острогъ, не могли справиться съ верхоленскими казаками, несмотря на то, что въ распоряженіи Курбата Иванова было не болѣе 50 казаковъ. Около этого же времени пріѣхали въ Илимскъ направлявшіеся къ Якутску воеводы: Василій Пушкинъ и Кирилль Супоневъ. Они, услышавши о нападеніи на Верхоленскій острогъ бурятъ, немедленно отправили туда боярскаго сына Алексѣя Бедарева съ 130 казаками, а также и промыш-

ленными людьми изъ числа добровольно вызвавшихся пойти въ походъ. На полпути къ Верхоленскому острогу Бедаревъ встрѣтился съ отрядомъ бурятъ до 500 человѣкъ, произошло жестокое сраженіе, въ которомъ русскіе, защищаясь подъ прикрытіемъ обоза, *потеряли убитыми до 50 человѣкъ*, однако сломить окончательно упорство русскихъ буряты не смогли и повернули назадъ. Бедаревъ продолжалъ походъ далѣе и прибылъ въ Верхоленскій острогъ: отсюда онъ въ теченіе 1645 и 46 г.г. совершалъ набѣги вглубь кочевьевъ приленскихъ и приангарскихъ бурятъ, нападая на улусы и уводя съ собою плѣнныхъ.

Въ 1648 г. вновь стали буряты нападать на Верхоленскъ, нанося большой ущербъ недавно поселившимся въ окрестностяхъ острога крестьянамъ и угрожая разореніемъ не только Верхоленску, но и Усть-Куту и самому Илимску. Зимовавшій въ этомъ году въ Илимскѣ новый якутскій воевода Дмитрій Францбековъ послалъ на помощь Верхоленскому острогу *двѣсти* промышленныхъ людей, подъ предводительствомъ московскаго дворянина Василя Нефедьева. Онъ съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него порученіе: не только оборонился противъ бурятъ, но и самъ напалъ на нихъ и заставилъ ихъ разсѣяться. Защитивши

Верхоленскъ, Нефедьевъ совершилъ походъ въ землю приангарскихъ (унгинскихъ) бурятъ, послѣ котораго привелъ съ собою въ Верхоленскъ плѣнныхъ «въ знакъ своей побѣды».

Въ 1649 году Верхоленскій острогъ былъ приписанъ къ уѣзду Илимска, ставшаго въ этомъ году городомъ; къ Илимскому же уѣзду были приписаны всѣ верхнія мѣста р. Лены до Чечуйскаго волока.

Первый Илимскій воевода Тимофей Шушеринъ подготовлялъ въ 1650 г. новый походъ противъ верхоленскихъ бурятъ и приказалъ набирать для этого вольницу изъ промышленныхъ людей въ Усть-Кутѣ, Усть-Киренгѣ и Чечуйскомъ волокѣ; но не извѣстно, чѣмъ эти приготовленія Шушерина кончились. Дальнѣйшее усмиреніе верхоленскихъ бурятъ въ общемъ уже болѣе зависѣло отъ гарнизона Верхоленскаго острога; отсюда казаки, когда находили это нужнымъ, совершали наѣзды въ бурятскія кочевья и налагали ясакъ то на одинъ улусъ, то на другой; одни изъ бурятъ отказывались платить ясакъ, другіе платили его—это вызывало междоусобія среди самыхъ бурятъ. Въ 1655 г. часть верхоленскихъ бурятъ рѣшила было уйти черезъ Байкаль къ «монгаламъ», но не привела своего намѣренія въ исполненіе. Мало-помалу верхоленскіе буряты, истощен-

ные борьбою съ русскими и междоусобіями, должны были смириться и признать надъ собою власть русскихъ.

Что же касается того, какъ была занята русскими вся территорія нынѣшняго Киренскаго уѣзда, то этотъ уѣздъ, какъ это отчасти и видно изъ вышеизложеннаго, былъ занятъ пришельцами очень легко, безъ сопротивленія со стороны тунгусовъ. Нужно отмѣтить только, что доступъ въ Киренскій край былъ открытъ не только *енисейцамъ* черезъ Ангару, Илимскъ и Ленскій волокъ, но и мангазейцемъ, т. е. казакамъ Мангазейскаго острога, черезъ р. Нижнюю Тунгуску и Чечуйскій волокъ. Завоеваніе Ленскаго края вело къ соревнованію, а иногда и вооруженнымъ столкновеніямъ тѣхъ и другихъ. Мангазейцы выходили на Лену не только черезъ Чечуйскій волокъ, но и черезъ волокъ между р. Размахнихою, притокомъ Н.-Тунгуски, и р. Чоною, впадающей въ Вилюй; первымъ путемъ попадали они въ предѣлы нынѣшняго Киренскаго уѣзда, вторымъ — въ Якутскую область, наиболѣе притягивавшую къ себѣ въ XVII-мъ столѣтіи казаковъ и промышленныхъ людей. Есть свѣдѣнія, что мангазейцы еще въ 1607 году наложили ясакъ на нѣкоторые тунгусскіе роды, обитавшіе по Н.-Тунгускѣ.

Въ 1620 г. мангазейцы проникли въ вер-

ховья р. Вилюя, гдѣ и получили первыя, еще неясныя, извѣстія объ якутахъ. Указанными же путями проникали, иногда большими толпами, и вольные промышленные люди, искатели наживы и приключеній, не взирая ни на какія опасности въ совершенно дикомъ и незнакомомъ краю. Вольница предшествовала походамъ казаковъ и указывала имъ дорогу къ завоеваніямъ. Насколько велики были иногда отряды этой вольницы, видно изъ слѣдующаго: въ одной вѣдомости, посланной изъ Туруханска въ Мангазею, упоминается, что въ 1626 году изъ Туруханска отправились въ путешествіе на Нижнюю Тунгуску 28 казаковъ со 189 вольными людьми и на Подкаменную Тунгуску— 44 каюка съ 312-ю путешественниками.

Разсказываютъ объ одномъ промышленникѣ, именемъ Пендѣ, что онъ съ 40 товарищами, собранными въ Туруханскѣ, путешествовалъ три года по р. Нижней Тунгускѣ, дошелъ до Чечуйскаго волока, перешелъ его, вышелъ на р. Лену, сплылъ по ней внизъ по теченію до того мѣста, гдѣ впослѣдствіи былъ выстроенъ Якутскій острогъ. Затѣмъ по той же Ленѣ пошелъ вверхъ до устья р. Куленги; съ этой рѣки перешелъ на Анггару и по Анггарѣ и Енисею затѣмъ вернулся въ Туруханскѣ. Всего слѣлалъ Пенда въ этомъ своемъ путешествіи до 6.000 верстъ.

Наибольшее участіе въ завоеваніи Киренско-Ленскаго края принадлежало, конечно, енисейцамъ.

Въ 1639 г. пошелъ вверхъ по р. Витиму енисейскій атаманъ Максимъ Перфирьевъ, при немъ было 36 человѣкъ казаковъ и вольныхъ людей. Перешедши витимскіе пороги, онъ остановился на зиму у устья р. Кутомары. Въ слѣдующемъ году Перфирьевъ продолжалъ свой путь далѣе, по р. Витиму вверхъ, собственно уже въ предѣлахъ нынѣшней Забайкальской области; въ теченіе восьми дней дошелъ онъ до устья р. Цыпы. Здѣсь были имъ получены извѣстія, что по р. Цыпѣ живетъ много тунгусовъ. Перфирьевъ сталъ подниматься по р. Цыпѣ вверхъ, пока, въ теченіе 9 дней, не дошелъ до большого порога, гдѣ и принужденъ былъ остановиться. Въ виду недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, и такъ какъ казаки не выразили желанія продолжать походъ далѣе, Перфирьевъ поспѣшилъ возвратиться и привезъ съ собою въ казну до двухъ сороковъ соболей, собранныхъ со встрѣчныхъ тунгусовъ. Путешествіе Перфирьева имѣло большое значеніе, благодаря извѣстіямъ, полученнымъ имъ отъ витимскихъ тунгусовъ, о народахъ, живущихъ въ верховьяхъ р. Витима и далѣе на востокъ. Тунгусы рассказали Перфирьеву, что съ

устья р. Кутомары надо плыть еще цѣлый мѣсяцъ по р. Витиму вверхъ, до р. Карги, гдѣ живетъ даурскій князецъ Ботога, который имѣетъ соболей, а также серебро и шелковыя матеріи; эти послѣднія Ботога получаетъ съ р. Шилки отъ князца Лавкая, черезъ обмѣнъ своихъ соболей; далѣе вверхъ по Витиму, до озера Еравны, также живутъ дауры (тунгусы), которые держатъ много скота; отъ жилищъ князца Ботоги считается три или четыре дня ходу сухимъ путемъ до р. Шилки, по которой живутъ въ великомъ множествѣ дауры, имѣющіе свою пашню и сѣющіе всякій хлѣбъ; по Шилкѣ же копаютъ серебряную, мѣдную и свинцовую руды и т. д. Можно думать, что извѣстія, привезенныя Перфирьевымъ, послужили причиною для снаряженія дальнѣйшихъ походовъ по р. Витиму для отысканія жилищъ тунгусскихъ князцевъ Ботоги и Лавкая. Совершилъ такой походъ и письменный голова Еналей Бахтеяровъ съ 70 казаками, но не выполнилъ поставленной ему задачи. Очевидно, подъ вліяніемъ этихъ же извѣстій рѣшилъ совершить свой знаменитый походъ на Амуръ ленскій промышленникъ Ероѳей Хабаровъ. Объ этомъ походѣ необходимо упомянуть, ибо онъ состоялся при участіи новоприбылого населенія Ленско-Киренскаго края.

Ероѣей Хабаровъ, выходецъ изъ Великаго Устюга, былъ первымъ земледѣльцемъ въ одномъ изъ мѣстечекъ по р. Енисею, затѣмъ перебрался на Лену; здѣсь онъ также завелъ землепашество у устья р. Киренги и затѣмъ въ 1639 году заложилъ соляную варницу около Усть-Кутскаго острога, взятую въ 1641 году первыми илимскими воеводами въ казну.

Хабаровъ получилъ отъ промышленныхъ людей свѣдѣнія, что на р. Амуръ всего удобнѣе пройти р. Олекмою черезъ Тугирскій волокъ, и онъ рѣшилъ испробовать счастья на этомъ новомъ пути.

Въ 1649 году онъ явился къ новому якутскому воеводѣ Димитрію Францбекову, который, проѣзжая въ Якутскъ, зимовалъ въ Илимскѣ. Хабаровъ просилъ воеводу, чтобы онъ разрѣшилъ ему совершить походъ на Амуръ, обѣщая покорить тамошнія мѣста російской власти. Онъ не требовалъ ни жалованія ни провіанта, обѣщалъ сто пятьдесятъ человекъ держать на собственномъ своемъ иждивеніи и приготовить на свой счетъ къ плаванію суда со всѣми снастями. Воевода не могъ отказать Хабарову въ просьбѣ и, передавъ въ его распоряженіе нѣсколько казаковъ, разрѣшилъ ему набирать въ походъ вольныхъ людей. Съ этою цѣлью Францбековъ въ мартѣ мѣсяцѣ по-

слалъ на Усть-Кутскій острогъ пятидесяти-нику Ивану Шукъ и на Чечуйскій волокъ и на Усть-Киренгу Семейкъ Чюфарину особую память. Въ этой памяти значилось слѣдующее.

«Въ нынѣшнемъ во 1649 году билъ челомъ Государю Царю и Великому Князю Алексѣю Михайловичу всея Русіи старой опытовщикъ Ероѣйко Павловъ Хабаровъ, а въ челобитѣ своемъ объявилъ, чтобъ Государь его пожаловалъ, велѣлъ прибрать служилыхъ и промысленныхъ охочихъ людей полтора ста человекъ, или сколько можетъ прибрать, которые похотятъ безъ Государева жалованья итти на Государевыхъ непослушниковъ, по Олекмѣ и по Тугирю и по Шилкѣ, на Лавкая и на Ботогу, которые Государю непослушны и не покорны и ясаку съ себя не платятъ. И по Государеву указу, воевода Дмитрей Андреевичъ Францбековъ да діакъ Осипъ Степановичъ, по его, Ероѣйкову, челобити, велѣли ему, Ероѣйку, итти, и съ нимъ сту пятидесяти человекъ, или сколько можетъ прибрать, охочимъ людямъ, которые похотятъ, безъ Государева жаловья, итти на Государевыхъ непослушниковъ, неясачныхъ людей, по Олекмѣ и Тугирю рѣкамъ и по Шилкѣ. И какъ къ вамъ ся память прійдетъ, и вамъ бы велѣтъ кликать служилыхъ и промысленныхъ

охочихъ людей, которые похотятъ съ нимъ, Ерошейкомъ, итти на Государевыхъ непослушниковъ, на Лавкая и на Ботогу, безъ Государева жалованія; а онъ, Ерошейко, станетъ тѣмъ охочимъ скуднымъ людямъ давать хлѣбъ и всякіе запасы, и сулы и судовыя снасти, на полтараста человѣкъ, или сколько можетъ прибрать. А которые служилые или промышленные люди учнутъ прибираться итти съ нимъ, Ерошейкомъ, безъ Государева жалованія, и тѣ бѣ люди приходили къ вамъ и челобитные приносили, и имяна свои записывали у васъ».

Хабаровъ «прибралъ» около половины того числа охочихъ людей, которое онъ надѣялся собрать, и въ 1649 г. сплылъ внизъ по р. Ленѣ до Олекмы. Передъ отъѣздомъ въ далекое путешествіе, онъ получилъ отъ воеводы наказъ, въ которомъ предусматривались подробнымъ образомъ не только цѣли похода, но и внутренній распорядокъ отряда, отправлявшагося въ этотъ походъ.

Отправивши Хабарова въ походъ противъ князювъ Лавкая и Ботоги, воевода Францѣсковъ и дьякъ Степановъ написали отписку о немъ царю Алексѣю Михайловичу. Въ этой своей отпискѣ они упоминали, что до похода Хабарова «въ тое новую землю, для тѣхъ князцевъ Лавкая да Ботоги (Болтачая), посылали не по одно время ни-

сменныхъ головъ Василья Пояркова да Ена-
лея Бахтеярова, а съ ними служилыхъ мно-
гихъ людей», и что имъ «Государево де-
нежное и хлѣбное жалованіе, и порохъ, и
свинецъ, пищали давано было изъ Госуда-
ревы казны», и что они до тѣхъ князевъ
«не дошли, а ходили де они по Витиму, а
не по Олекмѣ, прямые дороги не узнали»;
а поэтому «въ Государевѣ въ денежномъ
и хлѣбномъ жалованьѣ, и въ свинцу, и въ
пороху учинилася многая убыль».

Походъ Ерофея Хабарова на Амуръ
(въ 1649—53 гг.) имѣлъ большое значеніе
въ исторіи Ирк. губ., вызвавъ тягу въ «Да-
урию» новоприбылого населенія Верхолен-
скаго края и тѣмъ задержавъ нѣсколько
развитіе жизни въ этомъ краю.

Какъ самъ Хабаровъ, при проѣздѣ сво-
емъ съ Амура въ Москву въ 1653 году,
такъ и посылаемые имъ на Лену гонцы ра-
нѣе этого времени много рассказывали мѣ-
стному населенію о Даурской землѣ, хва-
лили ее и подговаривали, чтобы въ ту бо-
гатую землю шли всякіе люди. Разказы и
слухи о богатомъ житьѣ на Амурѣ повели
къ тому, что сюда начали направляться то
въ одиночку, то цѣлыми группами, пашен-
ные крестьяне и служилые, посадскіе, про-
мышленные и «гуляшіе» люди. Это неудер-
жимое движеніе населенія на Амуръ иног-

да осложнялось бунтами служилыхъ людей, собиравшихся въ «воровскіе полки» и поднимавшихъ открыто знамя возстанія.

Служилые люди въ этомъ случаѣ спѣшили на Амуръ, чтобы тамъ «служить особъ, а у государевыхъ воеводъ подъ началомъ не быть».

Первая крупная партія «лаурцевъ», какъ въ то время иногда называли бѣглецовъ, побѣжала на Амуръ въ 1653 году, подъ начальствомъ служилыхъ людей Прокофья Кислаго и Василя Черкашенина. Во главѣ этой партіи стояли 27 служилыхъ людей Верхоленскаго острога, къ нимъ примкнуло около десяти илимскихъ крестьянъ, но главную массу бѣглецовъ затѣмъ составили промышленные и гулящіе люди Илимскаго и Якутскаго уѣздовъ. Всего къ партіи Кислаго присоединилось до 300 человекъ. Пробираясь на Амуръ, бѣглецы ознаменовали свой путь грабежами и насиліями надъ торговыми людьми, пашенными крестьянами и пр.

«Вся рѣка Лена до устья Олекмы были разграблена, и деньги, провіантъ, мягкая рухлядь, оружіе, порохъ, свинецъ и всѣ прочія потребности, какія ни нашлись, были расхищены, да и самые тѣхъ мѣстъ обыватели, противъ ихъ воли скованные, уведены были».

Въ 1654 г. бѣжала партія служилыхъ людей Давида Егорова и Ѳедота Барана съ товарищами. Побѣгъ этотъ былъ не изъ удачныхъ: оба предводителя и многіе изъ ихъ спутниковъ были пойманы и наказаны. Это не могло остановить дальнѣйшихъ побѣговъ, и число бѣглыхъ на Амуръ время отъ времени все увеличивалось.

Въ 1655 г. илимскій воевода Богданъ Оладѣинъ писалъ царю, что «всѣхъ русскихъ людей (бѣглыхъ) въ Даурской землѣ 1.500 человекъ». Эти побѣги стали такимъ обычнымъ дѣломъ въ Илимскомъ воеводствѣ, что тотъ же воевода, принимая на мѣста бѣглецовъ въ казачью службу, «гулящихъ и молодшихъ ссыльныхъ людей», приводилъ ихъ ко кресту «на томъ, что имъ служить государю правдою, безо всякія хитрости, и не измѣнить—ни въ которые иноземцы и въ Даурскую землю не сбѣжать и безъ отпуска не сойти».

Но и это не помогало: новый край неудержимо влекъ къ себѣ русскихъ людей. Тотъ же воевода Оладѣинъ жаловался царю, что и вновь поверстанные имъ въ службу казаки, забывъ крестное цѣлованье, «бѣгаютъ государевыхъ службъ въ Даурскую землю, а удержать ихъ отъ даурскаго побѣга некоторыми мѣрами не мочно» такъ какъ «уходъ сталъ блиско»: отъ Илимска

внизъ по р. Ленѣ и вверхъ р. Олекмою можно въ 8 недѣль пробраться «на Даурскую Амуръ рѣку и Шилку», а отъ Якутска было еще ближе къ Амuru.

Не одна близость къ Амuru и не одни рассказы о богатствахъ тамошней природы тянули туда русскихъ служилыхъ и промышленныхъ людей: едва ли не самую большую роль здѣсь играли невѣроятныя тяготы порубежной сибирской службы, усугубленныя произволомъ и злоупотребленіями воеводъ и другихъ властей.

Илимчане, напримѣръ, постоянно въ своихъ челобитныхъ жаловались на тягости «судового дѣла» — на обязательную для илимскихъ служилыхъ людей постройку судовъ на устьяхъ р. р. Муки и Куты, гдѣ «для якутской службы», т. е. для отправки хлѣбныхъ запасовъ въ Якутскъ, дѣлались кочи, дощаники, лодки и другія суда. Судовое дѣло наносило илимчанамъ огромныя убытки и вызывало ихъ сильное неудовольствіе.

Въ особенности тяжела была служба служилыхъ людей Верхоленскаго острога, ввиду сосѣдства съ немирными «братскими» иноземцами, т. е. бурятами, часто тревожившими набѣгами русское населеніе.

Немудрено, что верхоленцы обычно и становились во главѣ «воровскихъ походовъ» въ Даурию. Весною 1655 г. илимскій вое-

вода Оладынъ отправилъ на службу въ Верхоленскій острогъ 40 казаковъ подъ начальствомъ Михаила Сорокина. Отрядъ состоялъ частью изъ служилыхъ людей «старого ленскаго наряда», т. е. переведенныхъ изъ Якутска, а частью изъ илимскаго «новаго прибору изъ ссыльныхъ служилыхъ людей». Сорокину было дано порученіе завѣдывать на р. Тутурѣ постройкою пяти дощаниковъ.

Этотъ-то Сорокинъ, захвативши насильно войсковое знамя Верхоленскаго острога, поднялъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1655 г. бунтъ: собрался «воровской кругъ», на которомъ взбунтовавшіеся выбрали себѣ атаманомъ Сорокина и есауломъ Ѳедора Краснояра и «цѣловали крестъ на томъ, что итти имъ въ Даурскую землю».

Въ маѣ мѣсяцѣ 1655 г. Сорокинъ съ товарищами тронулся изъ Верхоленскаго острога и поплылъ внизъ по р. Ленѣ; дорогою онъ ограбилъ торговыхъ людей, съѣхавшихся на усть-кутскую ярмарку, «приступалъ» къ самому Усть-Кутскому острожку, но взять его не смогъ.

Около этого же времени слѣдовалъ въ Илимскъ казачій отрядъ стрѣлцакаго сотника Якова Онцыфорова, отправленный весною въ Енисейскъ для сопровожденія направлявшихся оттуда въ Илимскъ хлѣбныхъ за-

гдѣ и сложили свои буйныя головы въ пасовѣ. Этотъ отрядъ увлекся сорокинскимъ движеніемъ и также измѣнилъ государевой службѣ. Бунтъ въ отрядѣ Онцыфорова произвелъ Сорокинъ, братъ Михаила Сорокина, попавшій въ служилые люди Илимскаго острога изъ «московскихъ ссыльныхъ людей». Бунтъ этотъ возникъ при устьѣ р. Илима, изъ отряда Онцыфорова присоединилось къ Якову Сорокину 25 казаковъ, остальныхъ 13 казаковъ, оставшихся вѣрными государю, сорокинцы ограбили дочиста, отняли у нихъ оружіе, порохъ, платье и пр. Затѣмъ къ Сорокину стали присоединяться «холостые пашенные крестьяне» изъ сосѣднихъ заимокъ и «гулящіе» люди, всего собралось до 75 человѣкъ. Съ устья Илима вольница двинулась вверхъ по этой рѣкѣ; здѣсь сорокинцы осадили Илимскій острогъ, гдѣ засталъ воевода Оладынъ, но затѣмъ, торопясь соединиться съ отрядомъ Михаила Сорокина, они сняли осаду острога и черезъ Ленскій волокъ вышли на Лену, гдѣ вскорѣ Яковъ Сорокинъ и догналъ своего брата Михаила.

Подъ знаменемъ братьевъ Сорокиныхъ собралась большая шайка вольницы, до 300 человѣкъ. Грабя по дорогѣ встрѣчныхъ торговыхъ людей, не брезгуя и казеннымъ добромъ, сорокинцы черезъ Олекму пробрались въ обѣтованную Даурскую землю,

стычкахъ съ инородцами и непосильной борьбѣ съ голодомъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, приленскому населенію пришлось еще разъ столкнуться съ амурскими дѣлами. Въ 1665 году въ Усть-Кутскомъ острогѣ былъ проѣздомъ илимскій воевода Лаврентій Обуховъ; здѣсь онъ познакомился съ женою досмотрщика за усть-кутскими соляными промыслами, ссыльнаго поляка Никифора Черниговскаго. Похитивъ жену послѣдняго, Обуховъ отправился вверхъ по р. Кутѣ. Черниговскій рѣшилъ мстить: собралъ товарищей удалцовъ, догналъ воеводу, убилъ его и перебилъ всю его прислугу, захватилъ имущество воеводское и казенное и затѣмъ, подобравши вольныхъ и смѣлыхъ людей, отправился торною дорогою съ бывалыми и знающими «языками» на Амуръ, взявши съ собою изъ только-что возникшей при Усть-Киренгѣ Свято-Троицкой обители основателя послѣдней, іеромонаха Еρμοгена. Выйдя на Амуръ, Черниговскій построилъ вновь здѣсь Албазинскій острогъ, до тла ранѣе разоренный китайцами, и сталъ собирать съ тунгусовъ ясакъ знаменитыми амурскими соболями, отсылая ихъ въ Нерчинскій острогъ, и заводить пашни. За свою полезную дѣятельность получилъ и онъ затѣмъ изъ Москвы полное прощеніе. Рус-

ская жизнь на берегахъ Амура снова закипѣла на недолгое, впрочемъ, время. Походомъ Черниговскаго кончается дѣятельное участіе населенія Ленско-Илимскаго края въ амурскихъ дѣлахъ.

Необходимо затѣмъ остановиться и на походахъ русскихъ къ Байкалу и въ мѣста по р. Верхней Ангартъ, чтобы прослѣдить, какъ было занято русскими восточное и сѣверное Прибайкалье, входящее въ составъ нынѣшнихъ Верхоленскаго и Киренскаго уѣздовъ Иркутской губерніи.

Честь перваго путешествія на Байкаль принадлежитъ казацкому пятидесятнику Курбату Иванову. Онъ отправленъ былъ на Байкаль изъ Якутска съ отрядомъ около 75 человекъ, казаковъ и промышленныхъ людей. Можно предположить, что онъ направился къ Байкалу по р. Ленѣ, достигъ Верхоленскаго острога, а отсюда перебрался къ «морю». Такъ или иначе, Ивановъ въ 1643 г. былъ уже на байкальскомъ островѣ Ольхонѣ, гдѣ въ то время жило сравнительно много бурятъ. Объяснивъ ольхонскихъ бурятъ, Ивановъ переправился съ Ольхона назадъ къ берегу Байкала, отсюда онъ отправилъ казака Скорохода съ 36-ью товарищами вдоль Байкала, по его западному побережью, до р. Верхней Ангары, съ цѣлю усмиренія тамошнихъ тунгусовъ, а самъ съ

остальными людьми вернулся въ Верхоленскъ, гдѣ и былъ назначенъ управителемъ острога.

Скороходъ дошелъ до Верхней Ангары, взялъ ясакъ съ здѣшнихъ тунгусовъ, затѣмъ направился къ Баргузину, гдѣ большая часть его отряда была перебита тунгусами.

Второй походъ на Байкаль совершилъ въ 1644 г. отправленный уже изъ Енисейска атаманъ Василій Колесниковъ; онъ вышелъ по р. Ангарѣ на Байкаль въ 1645 г. и пытался высадиться къ южному берегу моря. Но здѣсь онъ такъ былъ принятъ бурятами и монголами, что не рѣшился имѣть съ ними дѣло, повернулъ назадъ и направился вдоль западнаго берега Байкала на Верхнюю Ангару. Дорогою ему пришлось зимовать на полъ-пути, и съ мѣста зимовки онъ двинулся къ В. Ангарѣ въ 1646 году. По дорогѣ, около устья р. Тикона, попался Колесникову отрядъ тунгусовъ. Русскіе побили тунгусовъ и взяли въ плѣнъ ихъ князца Котугу. Около устья р. Верхней Ангары Колесникову пришлось уже въ третій разъ зазимовать, и здѣсь онъ въ 1647 году построилъ Верхнеангарскій острогъ. Оставивши однихъ казаковъ въ острогѣ и пославши другихъ въ Енисейскъ за провіантомъ, Колесниковъ весною того же года ходилъ къ устью р. Баргузина, а отсюда вернулся на-

задъ и затѣмъ поспѣшилъ въ Енисейскъ, гдѣ долго не могли дожидаться его, и потому, на подмогу ему, былъ отправленъ изъ Енисейска въ 1646 г. сынъ боярскій Иванъ Похабовъ съ отрядомъ въ 84 челсвѣка. Проплывъ всею Ангарою, Похабовъ высадился на южномъ берегу Байкала, имѣлъ здѣсь небольшую стычку съ «монгалами», подданными князя Турукая, а отсюда направился, все въ поискахъ той же серебряной руды, къ монгольскому хану Цизану (Цеценъ-Хану), имѣлъ намѣреніе даже отправиться и далѣе—къ китайскому богдохану но, получивши отъ Цеценъ-Хана согласіе на отправку монгольскаго посольства въ Москву, поспѣшилъ вернуться въ Енисейскъ. Похабовъ былъ на возвратномъ пути, какъ енисейцы отправили въ 1648 г. на подмогу ему сына боярскаго Ивана Галкина съ отрядомъ въ 60 челсвѣкъ. Галкину, какъ и его предшественнику, данъ былъ наказъ, чтобы наложить ясакъ на новыхъ народовъ, точно описать мѣста около Байкала и понавѣдаться о мѣстонахожденіяхъ золота и серебра. Въ теченіе одного лѣта онъ дошелъ до устья р. Баргузина, гдѣ и построилъ острогъ, куда вскорѣ перебрались забытые всѣми и долгое время испытывавшіе нужду отъ недостатка провіанта казаки Верхнеангарскаго острога. Весною 1649 года Галкинъ отправилъ изъ Баргузина одну

команду въ Верхнеангарскій острогъ, другую на озеро Буженей и на впадающія въ Витимъ рѣки, для приведенія тамошнихъ тунгусовъ въ вѣчное «ясачное холопство». Начальникомъ второй команды былъ назначенъ сынъ боярскій Яковъ Похабовъ, братъ основателя г. Иркутска, Ивана Похабова.

Во время скитаній Якова Похабова по привитимской тайгѣ произошелъ слѣдующій случай, характерный для того времени: въ походѣ онъ послалъ двухъ казаковъ на р. Мую для сбора ясака съ муйскихъ тунгусовъ; эти казаки пришли на р. Мую и къ великому своему изумленію увидѣли, что рѣчка уже занята ленскими промышленными людьми, которые собирали съ тунгусовъ ясакъ и держали у себя аманатовъ; эти самовольные сборщики ясака не хотѣли уступить казакамъ своихъ правъ на занятое мѣсто. Похабову пришлось двинуться на Мую самому и отобрать у промышленныхъ людей и ясакъ и аманатовъ.

Въ 1650 г. проѣхалъ по Ангарѣ на Байкаль Колесниковъ, сопровождая тобольскаго сына боярскаго Заболоцкаго, отправленнаго посломъ съ сыномъ своимъ и семьё казаками къ монгольскому хану. По дорогѣ посолъ Заболоцкій былъ убитъ бурятами, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нынѣ

находится Посольскій монастырь въ Забайкальской области.

Въ 1651 году тѣмъ же путемъ прослѣдовалъ вторично на Байкаль Иванъ Похабовъ, но на этотъ разъ онъ несъ «Государеву службу» уже преимущественно въ предѣлахъ нынѣшней Забайкальской области.

Въ 1652 году 2 іюня отправился изъ Енисейска походомъ въ Забайкалье для строенія Иргенскаго острога извѣстный Петръ Бекетовъ, сынъ боярскій, строитель остроговъ: Рыбинскаго, Тутурскаго, Якутскаго и Олекминскаго. Во время путешествія его по Ангарѣ, недалеко отъ Усть-Осы, произошла сшибка между его казаками и бурятами, окончившаяся пораженіемъ послѣднихъ. По пріѣздѣ на Байкаль Бекетовъ поплылъ вдоль западнаго побережья этого озера; около устья р. Голоустной онъ встрѣтилъ толпу воинственно настроенныхъ бурятъ. Во избѣжаніе стычки съ бурятами, Бекетовъ переправился черезъ Байкаль и высадился въ томъ мѣстѣ, гдѣ года за два передъ этимъ былъ убитъ посолъ Заболоцкій, и здѣсь зазимовалъ, построивъ зимовье, названное Усть-Прорвою. Весною 1653 г. казаки съ дозволенія Бекетова перешли отъ Усть-Прорвы Байкаль на лыжахъ и совершили набѣгъ на голоустнинскихъ и иркутскихъ

бурятъ, приведя съ собою по возвращеніи съ набѣга плѣнныхъ бурятокъ. Съ наступленіемъ лѣта Бекетовъ двинулся въ глубь Забайкалья и заложилъ здѣсь, какъ ему приказано было, два острога: Иргенскій и Нерчинскій; вышелъ затѣмъ на р. Амуръ и въ 1660 г. черезъ Якутскъ возвратился въ Енисейскъ.

Къ этому времени всѣ прибайкальскіе инородцы—буряты и тунгусы—были уже окончательно покорены русскими. Быстрое завоеваніе ленско-ангаро-прибайкальскаго края было обязано энергіи служилыхъ и промышленныхъ людей, предпринимавшихъ походы въ этотъ край то изъ Енисейска, то изъ Мангазеи и Якутска. Слабое участіе въ походахъ этихъ принимали и казаки Красноярскаго острога, хозяйничавшіе преимущественно на территоріи нынѣшняго Нижнеудинскаго уѣзда Иркутской губерніи.

О покореніи удинскихъ бурятъ мечталъ еще первый красноярскій воевода Дубенскій, основатель г. Красноярска.

Въ 1645 г. красноярскій воевода Петръ Протасьевъ отправилъ противъ Удинскихъ бурятъ небольшой отрядъ изъ казаковъ, но походъ послѣднихъ не имѣлъ успѣха. Это заставило Протасьева обратиться къ мирнымъ переговорамъ съ бурятами, которымъ было предложено добровольно признать надъ со-

бою власть русскихъ. Въ 1647 г. удинскій бурятскій князецъ Иланко явился въ Красноярскъ, учинилъ здѣсь «шерть» (присягу) на вѣрность русскимъ и просилъ, чтобъ въ его улусѣ былъ заложенъ острогъ какъ для защиты его отъ нападений монголовъ, такъ и болѣе удобнаго сбора съ бурятъ ясака. Просьба эта была принята, и въ 1648 г. на восточномъ берегу р. Уды былъ заложенъ Удинскій острогъ, носившій въ началѣ названіе «Покровскій городокъ».

Въ 1649 г. буряты возмутились и перебили казаковъ Покровскаго городка, посланныхъ къ нимъ для ясашнаго сбора, и послѣ этого «въ великомъ числѣ» собрались у р. Ии съ намѣреніемъ оказывать русскимъ сопротивленіе силою. Въ 1652 г. красноярскій воевода Андрей Бунаковъ снарядилъ на р. Ю, противъ удинскихъ бурятъ, походъ подъ начальствомъ своего племянника Кирилла Бунакова; походъ этотъ кончился для русскихъ весьма удачно, и сопротивленіе удинскихъ бурятъ было окончательно сломлено. Удинскими казаками были объясачены затѣмъ и карагазы, кочевавшіе въ предгорьяхъ Саяновъ.

Въ началѣ 50-хъ годовъ XVІІ столѣтія русскими были, такимъ образомъ, окончательно заняты земли нынѣшней Иркутской губерніи. Постройки остроговъ Братскаго

въ 1631 г., Верхоленскаго въ 1641 г., Верхнеангарскаго въ 1647 г., Удинскаго въ 1648 г., Иркутскаго (зимовья) въ 1652 г., Балаганскаго въ 1654 г. и Тункинскаго въ 1674 г. указывали на путь постепеннаго распространения русскаго владычества въ Ангаро-Ленскомъ краю. Съ наибольшими усиліями для русскихъ были заняты Приангарье и Верхоленскій край, въ виду сопротивленія, оказаннаго здѣсь бурятами. Безъ особыхъ усилій было подчинено русской власти тунгусское населеніе по р. Ленѣ (въ предѣлахъ нынѣшняго Киренскаго уѣзда) и ея притокахъ Киренгѣ и Витиму, а также по р. р. Н.-Тунгускѣ, Илимѣ и Верхней Ангарѣ. Сообразно сему, сравнительно легко и свободно пошло сразу же заселеніе долины рѣки Лены, отъ устья Куленги и далѣе внизъ, и ея большихъ притоковъ; тоже самое необходимо сказать про долину рѣки Илима и В.-Ангары. Болѣе осторожно шло заселеніе Верхоленскаго края и Приангарья, въ особенности въ сторонѣ отъ Лены и Ангары, такъ какъ здѣсь русскимъ поселеніямъ нѣкоторое время все еще приходилось опасаться сосѣдства съ бурятами, долгое время отказывавшимися признавать надъ собою власть русскихъ. Къ концу XVII-го столѣтія, однако, появился рядъ селеній какъ по рѣкѣ Ленѣ, выше Верхоленскаго острога,

какъ и въ сторонѣ отъ этой рѣки. Цѣлый рядъ историческихъ документовъ свидѣтельствуетъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ существовали уже селенія: Бирюльское (въ нынѣшней Бирюльской волости), Качиково (с. Качугъ) и с. Анга (въ нынѣшней Качугской волости), село Манзурское и Мало-Манзурское (въ нынѣшней Манзурской волости), Илгинское и Монастырское (въ нынѣшней Илгинской волости Верхоленскаго уѣзда) и др. Во второй половинѣ XVII вѣка стали возникать поселенія и въ долинѣ рѣки Ангары и ея притоковъ: Иды, Оки, Иркуты, Бѣлой и др., когда, съ постройкою Балаганскаго острога, приангарскіе буряты мало-по-малу были усмирены. Разселяясь на берегахъ большихъ рѣкъ, русскіе отодвигали инородческое населеніе въ глубь береговыхъ долинъ и междурѣчныхъ пространствъ. Занимались обычно нѣсколько большія пространства береговыхъ полосъ отъ устья притоковъ большихъ рѣкъ, инородцы же въ этомъ случаѣ оттѣснялись по направленію къ верховьямъ этихъ притоковъ. Такъ, несомнѣнно, были отодвинуты отъ р. Ангары буряты, кочевавшіе по р. Иркуту, и русскими было занято сразу же все нижнее теченіе этой рѣки. Оттѣснены были отъ р. Лены буряты, обитавшіе по Куленгѣ, и нижнее теченіе послѣдней было также за-

нято русскими, вскорѣ же послѣ постройки
Верхоленскаго острога, особенно послѣ пе-
ренесенія послѣдняго на новое мѣсто.

Населеніе часто сосредоточивалось около
остроговъ какъ потому, что послѣдніе
представляли изъ себя угрозу для инород-
цевъ и могли служить защитою отъ напа-
деній послѣднихъ, такъ и потому, что
остроги воздвигались обычно на мѣстахъ,
удобныхъ для хлѣбопашества и сѣноко-
шенія*). Здѣсь возникали заимка за заимкою,
которыя разрастались затѣмъ въ небольшія
поселенія, а нѣкоторыя изъ послѣднихъ съ
теченіемъ времени, при извѣстныхъ усло-
віяхъ, разрастались въ сравнительно уже
большіе населенные пункты—слободы.

Безъ боязни впасть въ грубую ошибку,
можно сказать, что большинство изъ совре-
менныхъ крупныхъ селеній Иркутской губ.,
расположенныхъ по берегамъ значительныхъ
рѣкъ и оз. Байкала, возникло въ XVII вѣ-
кѣ, т. е. болѣе 200 лѣтъ тому назадъ. По-
зднѣе начали появляться селенія, удален-
ныя отъ крупныхъ рѣкъ и расположенныя
въ полосѣ сибирскаго тракта, каковы, напри-
мѣръ, села Черемхово, Куйтунъ, Кимильтей
и др.

*) Острогами назывались укрѣпленныя мѣстечки, которыя для
защиты отъ враговъ обносились высокимъ частоколомъ—тыномъ. По
угламъ ставились обычно башни.

Первоначальною формою поселенія являлось часто *зимовье*, служившее какъ мѣстомъ для зимнихъ стоянокъ проѣзжихъ людей (въ томъ числѣ и казачьихъ отрядовъ), такъ и для сбора ясака и наблюденія за объясаченными инородцами. Такія зимовья основывались обычно предводителями казачьихъ отрядовъ. Заводились зимовья также и промышленными людьми, всюду рыскавшими по Сибири въ погонѣ за пушнымъ звѣремъ*).

Зимовья, удачно расположенныя, превращались затѣмъ часто въ большія селенія: города, остроги, слободы и деревни. Изъ зимовій возникли, напримѣръ, города Иркутскъ и Илимскъ, остроги: Киренскій, Братскій и Устькутскій, село Култукъ на Байкалѣ и др. Не всегда, конечно, зимовья предшествовали острогамъ; такъ, напримѣръ, извѣстно, что Верхоленскій острогъ былъ построенъ сразу же, не превращаясь въ таковой изъ зимовья. *Остроги*, слѣдовательно, также являлись въ нѣкоторыхъ случаяхъ первоначальными поселеніями края. Поскольку послѣднія росли и расширялись, выпол-

*) «Зимовьями» въ настоящее время въ лѣсныхъ районахъ Иркут. губ. называются обычно небольшія избушки, служащія крестьянамъ временнымъ пристанищемъ во время полевыхъ работъ, охоты на звѣря и т. д. Казачьи «зимовья» XVII в. поэтому не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ современныхъ намъ зимовій: подъ ними нужно уже разумѣть солидныя постройки, при томъ иногда и укрѣпленныя.

няя свое назначеніе, поскольку росло затѣмъ мѣстное населеніе, постольку росли и умножались *заимки*. Послѣднія возникали какъ по почину власти, селившей на извѣстныхъ мѣстахъ «для пашни» крестьянъ и ссыльныхъ, такъ и по почину вольныхъ, «гулящихъ» людей, выбиравшихъ себѣ для поселенія мѣста, какія считали для себя болѣе удобными. Имѣлъ свое значеніе въ дѣлѣ образованія заимокъ и починъ отдѣльных служилыхъ людей, занимавшихся пашеннымъ хозяйствомъ; заимки этихъ служилыхъ людей возникали вблизи городовъ и остроговъ. Какъ извѣстно, сибирскіе служилые люди служили за опредѣленное денежное, хлѣбное и соляное жалованіе. Владѣніе землею не было для нихъ обязательнымъ, и, если они владѣли ею, то или въ качествѣ замѣны всего или части хлѣбнаго жалованія, или же съ обязательствомъ платить въ казну «оброчный хлѣбъ». Извѣстно, напримѣръ, что видный въ лѣтописяхъ Вост. Сибири служилый человекъ, Максимъ Перфирьевъ, а затѣмъ и выдающійся его сынъ Иванъ имѣли недалеко отъ Иркутскаго острога свою заимку (нынѣшнюю деревню Максимовщину, по Иркуту); иркутскому казачьему пятидесятнику Онисиму Михалеву принадлежала въ XVII вѣкѣ заимка вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ (нынѣшняя деревня Михалева) и т. д.

Въ отличіе отъ сѣверныхъ мѣстностей Евр. Россіи, монастыри и скиты не играютъ крупной роли въ дѣлѣ первоначальнаго заселенія края. Монастыри здѣсь возникаютъ уже возлѣ населенныхъ пунктовъ: такъ, Вознесенскій мужской и Знаменскій женскій монастыри—въ непосредственной близости отъ Иркутскаго острога, Братскій—возлѣ Братскаго и Киренскій Свято-Троицкій—возлѣ Киренскаго острога (Киренскаго Никольскаго погоста). Къ монастырямъ этимъ приписывались земли, на которыхъ и селились монастырскіе крестьяне: такъ, с. Анга (Качугской волости) было когда-то монастырскою заимкою Киренскаго монастыря, с. Монастырское (въ нынѣшней Илгинской волости Верхоленскаго уѣзда)—заимкою Якутскаго монастыря; рядъ селеній въ окрестностяхъ города Иркутска былъ приписанъ въ XVII в. къ Вознесенскому монастырю.

Чтобы покончить съ вопросомъ о заселеніи русскихъ по землямъ нынѣшней Иркутской губерніи, необходимо упомянуть еще о сравнительномъ распредѣленіи на нихъ пришлаго русскаго и мѣстнаго инородческаго населеній. Какъ уже указывалось, буряты были отодвинуты отъ большихъ рѣкъ, Лены и Ангары, и остались затѣмъ на степныхъ пространствахъ Приангарья и Верхоленскаго края, и въ общихъ чертахъ

въ предѣлахъ нынѣшнихъ трехъ уѣздовъ: Иркутскаго, Балаганскаго и Верхотенскаго; распредѣленіе земель этихъ уѣздовъ между русскими и бурятами въ концѣ XVII вѣка сложилось, за малыми исключеніями, такъ, какъ оно существовало и потомъ. Значительное стѣсненіе, повидимому, испытали буряты, обитавшіе по землямъ нынѣшняго Нижнеудинскаго уѣзда, по р. р. Удѣ, Иѣ и др. Изъ исторіи края извѣстно, что удинскіе буряты въ 1640-хъ годахъ оказывали здѣсь серьезное сопротивленіе русскимъ, а между тѣмъ въ настоящее время въ Нижнеудинскомъ уѣздѣ буряты не имѣются, за исключеніемъ небольшого уголка въ восточной части этого уѣзда. Въ XVII вѣкѣ, съ открытіемъ сухопутнаго пути отъ Красноярска къ Иркутску, часть бурятскихъ земель, въ полосѣ бывшаго сибирскаго тракта, должна была также отойти въ пользованіе русскихъ.

Обращаясь къ составу населенія Ангара-Ленскаго края въ XVII вѣкѣ, придется прежде всего раздѣлить это населеніе на двѣ большихъ группы: служилыхъ и неслужилыхъ, «жилецкихъ» людей. Служилые люди, сосредоточиваясь, какъ это и понятно, въ городахъ и острогахъ, служили цѣлямъ обороны края, дальнѣйшаго укрѣпленія русской власти на новыхъ окраинахъ, и

управленія этимъ краемъ. Ядро этого служилаго населенія составляли казаки, конные и пѣшіе (рѣдко стрѣльцы), верставшіеся на службу, по присмотру начальства, изъ различнаго рода гулящихъ людей, т. е. людей безъ опредѣленныхъ занятій, изъ-за годового денежнаго, хлѣбнаго и солянаго жалованія. Надъ ними начальствовали десятники, пятидесятники, сотники и пр., каковые за особыя заслуги и выдающуюся службу получали иногда званіе «боярскихъ дѣтей». Боярскимъ дѣтямъ поручались болѣе важныя и отвѣтственныя дѣла: предводительство казачьими отрядами во время походовъ, управленіе острогами и т. д. Къ служилымъ же людямъ принадлежали, помимо воеводъ, пиѣменныхъ головъ и дѣтей боярскихъ, подъячіе приказныхъ избъ, затѣмъ «ружники», т. е. духовенство; рядомъ съ названными служилыми людьми необходимо поставить другихъ выборныхъ, по преимуществу служилыхъ людей: таможенныхъ головъ, цѣловальниковъ и пр.; «на государевомъ жалованьи» находились иногда и различнаго рода мастера («бронные мастера», «прядильщики» и т. д.), въ томъ числѣ и «заплечные», т. е. палачи.

О численности казачьяго населенія въ Иркутскѣ XVII-го вѣка можно составить себѣ представленіе на основаніи слѣдую-

щихъ данныхъ: въ 1673 г. въ Иркутскѣ было 25 казаковъ, въ 1681 г. — 44; въ 1699 г. служилое населеніе Иркутска составляли, кромѣ двухъ московскихъ дворянъ (Бейтоны), 11 боярскихъ дѣтей, 4 подъячихъ приказной избы, 143 конныхъ и 150 пѣшихъ казаковъ и соотвѣтствующее число десятниковъ и пятидесятниковъ. Кромѣ того, къ этому времени были поселены въ Иркутскѣ «въ вѣчное житіе» присланные туда служилые люди изъ тобольскихъ и уральскихъ городовъ: по 15 человекъ изъ Сургута и Туринска, 26 изъ Верхотурья и 9 изъ Березова. Число «ружниковъ» здѣсь также увеличилось: кромѣ священника и діакона, въ Иркутскѣ къ указанному времени было 2 дьячка, пономарь и просвирница.

Вторую большую группу населенія городовъ и крупныхъ остроговъ составляли посадскіе люди, которые жили въ городахъ и острогахъ и занимались различными промыслами и торговлею, уплачивая за это оброкъ въ казну. Посадскіе люди такъ же, какъ и казаки, верстались «въ посадъ» по преимуществу изъ вольныхъ, гулящихъ людей на мѣстѣ, въ Сибири, иногда же присылались съ такимъ назначеніемъ изъ Россіи. Едва ли не съ самаго основанія Иркутскаго острога подлѣ него стали уже селиться посадскіе люди Россійскій посолъ, Николай

Спафарій, проѣхавшій въ 1675 г. черезъ Иркутскъ въ Китай, упоминаетъ въ описаніи своего путешествія про посадскихъ людей Иркутскаго острога; въ 1681 году здѣсь было 27 посадскихъ дворовъ, въ 1686 г.—32 и въ 1698—110. Общая численность служилаго и посадскаго населенія г. Иркутска въ концѣ XVII вѣка достигала до тысячи человѣкъ.

Вторую обширную группу неслужилаго населенія края составляли пашенные крестьяне. Въ исторіи первоначальнаго заселенія края «пашенное строеніе» было также дѣломъ государственной власти. Московское правительство нуждалось въ такомъ цѣнномъ товарѣ, какъ богатая пушнина; этотъ товаръ собирался съ обьясаченныхъ инородцевъ Сибири, для этого же воеводамъ большихъ городовъ и остроговъ предписывалось подыскивать новыя «неясачныя землицы». Сборъ ясака и обьясачиваніе новыхъ инородцевъ производились служилыми людьми, которымъ, помимо денежнаго, полагалось натурою хлѣбное и соляное жалованіе. Для того, чтобы продовольствовать служилое населеніе, необходимо было мѣстной власти сразу же принимать энергичныя мѣры къ насажденію въ краѣ хлѣбопашества. Если въ первое время во вновь пріобрѣтенный Ангаро-Ленскій край доставлялся хлѣбъ изъ

Енисейскаго острога, то, съ развитіемъ въ краѣ пашеннаго хозяйства, Иркутскій острогъ могъ уже въ свою очередь отправлять излишки мѣстнаго хлѣба въ забайкальскіе остроги для продовольствія тамошнихъ служилыхъ людей.

Правительство садило на пашню ссыльных и гулящихъ людей и переводило сюда пахарей изъ Россіи (это были такъ называемые «переведенцы»).

Пашенные государевы крестьяне находились въ главномъ и непосредственномъ вѣдѣніи мѣстныхъ воеводъ. «Мы то пашенное дѣло»,—говорятъ царскіе указы воеводамъ,—«положили на васъ». Досмотръ пашенныхъ мѣстъ, постройка слободъ, призывъ крестьянъ, общій надзоръ, назначеніе непосредственной власти сельской—приказчика, смѣна его и надзоръ за нимъ,—таковы были задачи воеводской власти на государственной пашнѣ.

Конечно, воевода не имѣлъ возможности выполнить всѣ эти обязанности; ближайшее, непосредственное вѣдѣніе государственной десятинной пашнею принадлежало особому лицу, приказчику, назначаемому обычно въ приказъ «для строенія и досмотру великаго государя десятинной пашни и для крестьянской расправы».

Заботы о пашнѣ вообще занимали вид-

ное мѣсто въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Какъ указывалось на это выше, уже при построеніи остроговъ обращалось вниманіе на то, насколько мѣсто, предназначенное для постройки острога, пригодно для сельскаго хозяйства. Обращалось на это вниманіе и при проѣздахъ казачьихъ отрядовъ по новымъ мѣстамъ. «А на усть Тутуры рѣки—вверхъ по Тутурѣ и отъ Тутуры внизъ по Ленѣ рѣкѣ, по обѣ стороны Лены рѣки, пашенныхъ мѣстъ *смычено* на $1\frac{1}{2}$ тысячи десятинъ, сѣнныхъ покосовъ на 10.000 копень, и можно на томъ (мѣстѣ) посадить пашенныхъ крестьянъ 50 человѣкъ», (полагая по 30 десятинъ и по 200 копень сѣна на человѣка) и т. д.—говорить въ своемъ отчетѣ по военной поѣздкѣ въ Верхотенскій край въ 1646 г. Курбать Ивановъ.

Государева десятинная пашня была хозяйствомъ государя, имѣвшимъ цѣлью обезпечить необходимое продовольствіе служилымъ людямъ. Пашенные государевы крестьяне были рабочіе, получавшіе плату натурою, необходимымъ для пропитанія хлѣбомъ, или же въ видѣ «собины», т. е. участка земли, съ правомъ пахать на себя, причемъ соблюдалось опредѣленное соотношеніе между государевою и собинною пашнями. Въ первые годы поселенія пашенные

крестьяне пользовались со стороны власти льготами и даже пособіями. Крестьяне, не пахавшіе совсѣмъ государственной пашни и имѣвшіе свою пашню, платили въ казну оброкъ, въ видѣ «выдѣльного», пятымъ, или то-мъ снопомъ, или—«отсыпного» хлѣба. Для надзора надъ взиманіемъ хлѣба и учетомъ пашни созданъ къ концу XVII вѣка цѣлый рядъ должностей: выдѣльщиковъ, дозорщиковъ, пріемщиковъ, отдаточныхъ цѣловальниковъ, замолотчиковъ и т. д. За оброчный же хлѣбъ владѣли землею посадскіе и другіе жилецкіе люди. Въ первое время большинство пахарей составляли государственныя пашенные, меньшинство же—оброчные крестьяне. Размѣръ государственна тягла и оброка, какъ и вообще все устройство пашни, опредѣлялся усмотрѣніемъ воеводъ.

Цѣлый рядъ историческихъ документовъ XVII вѣка говоритъ о существованіи пашни въ мѣстномъ краѣ и даже въ такихъ его суровыхъ районахъ, какъ нынѣшній Киренскій уѣздъ; при чемъ эти документы даютъ достаточно подробное представленіе о тогдешнемъ пашенномъ хозяйствѣ.

Въ историческомъ матеріалѣ, касающемся Иркутской губерніи, можно найти много указаній на то, что, помимо «строенья» на пашню разныхъ гулящихъ людей—одиночекъ, правительство предпринимало иногда

и групповыя переселенія какъ вольныхъ, такъ и ссыльныхъ людей для устройства ихъ на пашню.

Въ крестьянской книгѣ «новаго Брацкаго Балаганскаго острога» за 1654 годъ содержится перечень пашенныхъ крестьянъ (повидимому, изъ ссыльныхъ людей), поселенныхъ здѣсь въ 1653 году, затѣмъ перечисляются 35 семей «московскихъ ссыльныхъ разныхъ чиновъ людей», присланныхъ сюда же въ 1654 году. Эти подневольные пашенные крестьяне сейчасъ же обратились къ мѣстной власти съ челобитной о переводѣ къ нимъ ихъ женъ и дѣтей, и это ихъ челобитье было уважено).

Въ 1691 г. было прислано въ Иркутскъ на государеву десятинную пашню 160 чело-вѣкъ, въ томъ числѣ 106 женатыхъ и 54 холостыхъ. Изъ этихъ «новопришлыхъ пашенныхъ крестьянъ», доносилъ воевода Кислянскій великимъ государямъ, «поселено въ 1691 г. въ Иркутскомъ уѣздѣ: по Бѣлой

*) Въ 1682 г. иркутскій воевода Иванъ Власовъ поселилъ на пашню семь ссыльныхъ крестьянъ, въ томъ числѣ шести изъ нихъ велѣно было пахать на первое время по чети десятины, а одному—полу-десятину. «А твоего государева жалованія», писалъ по этому случаю воевода царю: «дано имъ въ подмогъ на десятинную пашню, на лошадинную покупку и на всякой деревенской заводъ, на четь десятины, по два рубля съ полтиною; всего имъ дано изъ твоей великаго государя казны на двѣ десятины двадцать рублей денегъ. А какъ, государь, тѣ пашенные крестьяне дворами поселятца и землю распашутъ, и въ то время на нихъ десятинные пашни прибавлено будетъ».

рѣкѣ 40 семей дворами, на Кудѣ рѣкѣ по
посторонной рѣчкѣ Оекѣ 61 семей, да
въ Иркутскомъ же уѣздѣ въ Урицкой и въ
Разводной деревняхъ поселено трое чело-
вѣкъ. Всего поселено въ Иркутскомъ уѣздѣ
тѣхъ новопришлыхъ пашенныхъ крестьянъ
104 человекъ, а посѣяно у всѣхъ тѣхъ па-
шенныхъ крестьянъ на себя въ поляхъ въ про-
шломъ во 198 (1690) году ко нынѣшнему ко
199 году 21 десятина три четирижи, да въ ны-
нѣшнемъ же во 199 году посѣяно ярового вся-
каго хлѣба 88 десятинъ 2 чети, да впредь
ко 200 г. спажано земли подъ ржаной сѣвъ
123 десятины. Да по челобитію иркуцкихъ
посадцкихъ людей изъ тѣхъ же новоприш-
лыхъ пашенныхъ крестьянъ, женатыхъ и
холостыхъ, поверстаны въ посадъ, для мало-
людства посадцкихъ людей, 10 человекъ
мастеровыхъ всякаго руководѣлья. А не посе-
лилось дворами изъ вышеписаннаго числа
160 человекъ новопришлыхъ пашенныхъ
крестьянъ, 46 человекъ, и никаково заводу
у нихъ нѣтъ, потому что многіе изъ нихъ
стары и дряхлы, а иные увѣчны, слѣпы и
безноги, кормятца, скитаются межъ дво-
ровъ Христовымъ именемъ, и впредь за
старостью и за увѣчьемъ въ вашу великихъ
государей десятинную пашню и ни въ ка-
кое тягло не годны».

Въ общемъ, пашенное хозяйство наса-

ждалось въ Ангаро-Ленскомъ краю весьма усердно, да это и необходимо было дѣлать, такъ какъ названный край служилъ опорой для дальнѣйшихъ дѣйствій русскихъ за Байкаломъ и по всему сѣверо-востоку Сибири: хлѣбъ былъ нуженъ въ первое время для продовольствія служилыхъ людей не только мѣстнаго края, но и Забайкалья, а главнымъ образомъ, Якутской окраины.

Документы, относящіеся къ 1678—1680 г. г., говорятъ, что въ то время Якутскъ уже нуждался въ значительномъ количествѣ хлѣбныхъ припасовъ; и сюда на баркахъ, дощаникахъ и лодкахъ усиленно доставлялся хлѣбъ Бирюльской, Тутурской, Илгинской и Орленгской, а также Илимской и Киренской пахоты.

«А для той нашей государевой службы и осадного времени далъ ты наше великаго государя денежное жалованіе сполна, а хлѣбнаго жалованія дать нечего, хлѣбныхъ запасовъ нѣтъ, и ты де далъ за хлѣбное жалованіе товаромъ, потому что изъ Енисейска и Илимска хлѣбныхъ запасовъ прислано мало, и служилые де люди отъ того въ Якутскомъ помирають голодомъ, ѣдятъ всякую скверность и кору сосновую; а въ торгу де пудъ муки ржаной купятъ по 8 гривенъ и по 30 алтынъ и по рублю, и, покупая хлѣбъ, дворы и женъ и дѣтей сво-

ихъ иззакладывали и одолжали неокупными долги, и отъ голоду и отъ долговъ иные разбѣжались» — написано въ царской грамотѣ отъ 1679 г. на имя якутскаго воеводы Оомы Бибикова. Въ вѣдѣніи Якутскаго воеводства находилось къ этому времени до 700 служилыхъ людей, на продовольствіе которыхъ и лошадей при нихъ ежегодно требовалось до 40000 пудовъ хлѣба, крупъ и овса и до 2000 пудовъ соли.

Остается затѣмъ выяснить, принимало ли участіе въ этомъ пашенномъ дѣлѣ туземное, инородческое, населеніе. О мѣстныхъ тунгусахъ не приходится и говорить, такъ какъ они и до сихъ поръ остаются преимущественно звѣроловами. Въ данномъ случаѣ можетъ идти рѣчь только о бурятахъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе, къ моменту появленія ихъ на новыхъ мѣстахъ, застали у бурятъ звѣроловческо-скотоводческое хозяйство. О томъ, что они были звѣроловами, свидѣтельствуетъ успѣшное внесеніе ими въ русскую казну ясака богатою пушниною; а о томъ, что буряты вели и скотоводческое хозяйство, говорятъ исторіи военныхъ стычекъ казаковъ съ ними, когда казаки отбивали у бурятъ большіе табуны скота. Невыясненнымъ представляется вопросъ о томъ, существовало ли у бурятъ, къ приходу въ ихъ кочевья русскихъ, земле-

дѣльческое хозяйство, хотя бы въ зачаточномъ видѣ. Сохранившіяся указанія позволяютъ рѣшить данный вопросъ скорѣе въ томъ смыслѣ, что зачатки такого хозяйства у нихъ уже существовали.

О томъ, какъ и на что, помимо хлѣбнаго жалованія, расходовались хлѣбные запасы въ мѣстныхъ острогахъ, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе на основаніи ряда историческихъ документовъ, относящихся къ г. Иркутску. Такъ, изъ книгъ расхода хлѣбнымъ запасамъ за 1673 и 1676 годы, видно, что Иркутскій острогъ расходовалъ свои хлѣбные запасы на кормъ ссыльнымъ людямъ, пока послѣдніе не обзаводились еще собственнымъ хозяйствомъ; на посылку его въ «даурскіе» (т. е. забайкальскіе) остроги; на кормъ «аманатамъ» (т. е. инородческимъ заложникамъ) и различнымъ проѣзжавшимъ черезъ Иркутскъ служилымъ людямъ; на выдачу «на сѣмена» для новыхъ государевыхъ пашень и т. д. Что же касается расходовъ на хлѣбное жалованіе, то въ 1699 г. Иркутскій острогъ израсходовалъ, напримѣръ, на выдачу 428 служилымъ людямъ до 2430 четей хлѣба и до 1455 четей овса (т. е. до 20.000 пудовъ того и другого вмѣстѣ); въ это же время 30 человекъ служили «съ пашни» за 213 четей ржи и 169 четей овса.

Въ это же время служилые люди Иркутскаго острога получили жалованія— деньгами 2452 рубля (т. е. до 40.000 р. на наши деньги) и солью 750 пудовъ.

«Дѣти боярскіе», смотря по ихъ заслугамъ, получали различное жалованіе: деньгами отъ 18 до 9 р., хлѣбомъ отъ 18 до 7 пудовъ ржи и столько же овса, если не служили съ пашни, и солью отъ 4 до 2 пудовъ въ годъ; подъячіе приказной избы— деньгами 12—5 р., хлѣбомъ $7\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{8}$ пудовъ, солью 2—1 пудъ; духовенство (начиная отъ протопопа и кончая просвирницею)— деньгами 10— $2\frac{1}{2}$ р., хлѣбомъ 10—3 пуда, солью 5—2 пудовъ; конные казаки— деньгами 7 р., хлѣбомъ 7 пуд., овсомъ 4 пуда и солью 2 пуда; пѣшіе казаки— деньгами $5\frac{1}{2}$ —5 р., хлѣбомъ— $5\frac{1}{8}$ пуд., овсомъ— 2 пуда; такое же жалованіе получалъ и «заплечный мастеръ».

Нужно замѣтить, что жалованье это было болѣе или менѣе устойчиво, и мало разнилось по острогамъ. Такъ, наприм., изъ жалованной книги Илимскаго острога за 1663 годъ извѣстно, что въ Илимскѣ въ названномъ году были слѣдующіе оклады денежнаго жалованія: бѣлый попъ (соборный) получалъ 7 р. въ годъ, дьячекъ 3 р., пономарь столько же, просвирня—2 р. 16 алтынъ 4 деньги (т. е. 2 руб. 50 к.), подъя-

ячіе съѣзжей избы—по 15, 12, 6, 5 и по 3 рубля въ годъ: дѣти боярскіе по 13, 12 (напр. знаменитый Ероѳей Хабаровъ), 10 и 7 руб. въ годъ; пятидесятники пѣшихъ казаковъ—5 р. 50 к., десятники—5 р. 25 к., рядовые казаки—по 5 р. въ годъ, сотникъ «стрѣлецкой»—12 р. въ годъ, атаманъ конныхъ казаковъ—9 руб., пѣшихъ казаковъ—8 руб., конные казаки по 7 руб. въ годъ, «литовскаго списка» казаки—по 6 р. и т. д.; въ это же время въ предѣлахъ Илимскаго уѣзда по р. р. Ленѣ и Ангартъ несли государеву службѣ рядовые плотники съ «кочевымъ уставщикомъ» во главѣ. Эти плотники должны были строить казенныя суда для плаванія по р. р. Ленѣ и Ангартъ и для перевозки казаковъ съ военными и съѣстными припасами. Плотники получали по 5 р. годового жалованья, кочевой уставщикъ—6 руб. въ годъ.

Нужно замѣтить, что московское правительство, вслѣдствіе весьма слабаго состоянія его средствъ во второй половинѣ XVII в., не всегда посылало денежное жалованіе полностью. Въ этомъ случаѣ недостающее жалованіе досылалось товаромъ, но и при всемъ этомъ иногда происходили «большія недочады», что вызывало рядъ жалобъ служилыхъ людей, которые заявляли, что они совсѣмъ «оскудали и одолжали великими долгами».

Въ смѣтныхъ книгахъ г. Иркутска за послѣднюю четверть XVII вѣка можно часто встрѣтить указанія на товары «московскія присылки» для выдачи служилымъ людямъ: присылались «сукна аглинскія», кумачи и т. д., на эту же цѣль расходовался иногда и собранный натурою таможенный сборъ съ разныхъ китайскихъ товаровъ. Изъ товарной же казны городовъ и остроговъ брались товары и для подарковъ знатнымъ ясачнымъ людямъ, «мунгальскимъ посланцамъ» и. т. д.

Изъ «счетной перечневой выписки Илимской приказной избы за 1687 г. извѣстно, что въ Илимскѣ, начиная съ 1671 г., не додавалось служилымъ людямъ даже хлѣбное жалованіе, и правительство въ этомъ случаѣ не могло найти другого исхода, какъ посылать изъ Москвы «мягкую рухлядь», т. е. пушнину, которая здѣсь продавалась для полученія денегъ, кои требовались на раздачу служилымъ людямъ за недоданное имъ хлѣбное жалованіе. Тяжелое положеніе, обостряемое, помимо трудностей тогдашней сибирской службы вообще, и злоупотребленіями воеводъ, вызывало среди сибирскаго служащаго люда недовольство порядкомъ вещей, и это недовольство къ концу XVII вѣка приняло острія формы, проявившись въ рядѣ

бунтовъ служилыхъ людей въ большихъ сибирскихъ городахъ и острогахъ (въ томъ числѣ въ Красноярскѣ и Иркутскѣ) противъ воеводъ.

Въ настоящее время весьма трудно установить, въ какой мѣрѣ было достаточно то жалованіе, которое служилые люди получали въ XVII вѣкѣ за свою тяжелую сибирскую службу, такъ какъ цѣны на товаръ и припасы того времени являются до сихъ поръ неизученными *).

Наряду со служилыми людьми населеніе

*) Изъ переписной книги «постоялыхъ дворовъ г. Енисейска за 1704 годъ, составленной боярскимъ сыномъ Борисомъ Серебrenиковымъ, видно, что въ этомъ году одному человѣку можно было имѣть квартиру (комнату, уголь) со столомъ, (крупы, капуста, квасъ и соль), отопленіемъ и освѣщеніемъ (лучина) за алтынъ въ недѣлю, т. е. приблизительно 1 руб. 60 коп. въ годъ; при чемъ при этихъ условіяхъ хозяева извлекали отъ постояльцевъ еще нѣкоторую выгоду для себя. Нужно думать, что такова же была дороговизна жизни и въ Иркутскѣ, такъ какъ послѣдній во всякомъ случаѣ находился не въ худшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ г. Енисейскъ.

Историческіе документы, относящіеся къ послѣдней четверти XVII-го столѣтія, свидѣтельствуютъ о томъ, что въ г. Иркутскѣ къ этому времени можно было за 5 коп. купить хорошее строевое бревно, за 6 р. нанять плотниковъ строить богатые и большіе хоромы; на алтынъ можно было купить серпъ и косу; за 2—4 р. хорошую лошадь, за 1—3 р. рогатую скотину, 35 к. козу; за алтынъ—безменъ (т. е. 2 1/2 фунта) мяса, за 2 р.—цѣлую бочку омулей, или 100 сиговъ; 5—10 к. пудъ ржи, 15—20 к. пудъ пшеницы; 35 коп.—возъ сѣна; за алтынъ—аршинъ крашенины или безменъ желѣза; 25 коп.—топоръ или фунтъ слюды и т. д. Сравнительно высоки были цѣны на хлѣбъ, въ особенности пшеницу, такъ какъ послѣдняя, повидимому, была еще рѣдкимъ товаромъ; сравнительно дороги были слюда и желѣзо. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ рубль равнялся 12, а въ концѣ XVII вѣка—17 нынѣшнимъ рублямъ.

городовъ и остроговъ затѣмъ составляли посадскіе люди, имѣвшіе свое постоянное мѣсто-пребываніе въ посадѣ города и занимавшіеся торговлею, ремеслами, промыслами, сѣнокошеніемъ, иногда и земледѣліемъ, уплачивая въ этомъ случаѣ оброчный хлѣбъ. Посадскіе люди облагались казною оброкомъ различнаго размѣра: какъ это видно изъ «именной оброчной книги» Иркутскаго острога за 1681 годъ, посадскіе платили здѣсь оброку отъ 23 алтынъ 2 денегъ до 10 алтынъ на человѣка въ годъ, т. е. отъ 70 до 30 к. на душу; въ 1699 г. 2 руб. оброку платилъ одинъ посадскій человѣкъ, по рублю—6, по 20 алтынъ—5, по 17 алт.—23, 13 алтынъ 2 деньги—7, по 12 алт. 4 деньги—5, по 10 алт.—56, по 8 алт. 2 деньги—5 человѣкъ... Фамиліи нѣкоторыхъ посадскихъ людей Иркутскаго острога этого времени говорятъ за то, что они были ремесленники—такъ въ 1699 г. въ числѣ посадскихъ людей были здѣсь Дмитрій Каменщиковъ, Семень Котельникъ, Евсевій, Митя, Филиппъ и Борейко Кузнецы, Афанасій Токаръ, Василій Котельщикъ, Иванъ Квасникъ, Иванъ Кирпишникъ, Иванъ Колокольникъ, Семень Скорнякъ, Любимъ Выжигальщикъ, Тихонъ Шорникъ и др. Въ историческихъ документахъ XVII вѣка, относящихся къ г. Иркутску, мы встрѣчаемся съ упоминаніями о покупкѣ у мѣстныхъ кузне-

повъ косъ и серповъ, о литьѣ пищалей (т. е., ружей), производствѣ кирпичей, изготовленіи издѣлій изъ кожъ (юфти и сыромята), писаніи иконъ и пр. Значительное распространеніе имѣлъ и банный промыселъ, т. е. содержаніе банъ, что имѣло свое значеніе въ это время значительнаго движенія по Сибири различнаго рода торговыхъ, промышленныхъ и гулящихъ людей. «Переписная банная книга» г. Иркутска и его уѣзда за 1705 г. свидѣтельствуетъ намъ о сборѣ казною баннаго оброка по 5 алтынъ съ крестьянскихъ банъ и по 1 р. въ годъ съ городскихъ; всего къ этому времени въ Иркутскѣ и его уѣздѣ были изоброчены 942 бани. Не упускала мѣстная власть обложенія и мельницъ, старалась извлечь доходъ съ откупа «площаднаго письма», пролубнаго промысла и рыбныхъ ловель и пр., какъ, постоянно нуждаясь въ средствахъ, извлекала она свои выгоды и отъ мѣстнаго квасоваренья и винокуренья и т. д. Облагая чуть ли не каждый шагъ посадскихъ людей, власть создавала иногда для послѣднихъ весьма тяжелое положеніе, и они снимались съ насиженныхъ мѣстъ и бѣжали, и правительство вынуждаемо было уменьшать налоговое бремя мѣстнаго населенія.

Интересно отмѣтить, что въ XVII вѣкѣ существовалъ уже омулевый промыселъ,

какъ и нерпичій, на Байкалѣ, и Иркутскѣ былъ уже виднымъ пунктомъ торговли омулемъ; отсюда онъ развозился для продажи по окрестнымъ острогамъ и селеніямъ, не минуя, конечно, таможенного сбора. Этотъ промыселъ, какъ и соболинъ, создалъ «покрутничество»: покручниками назывались промышленники, закабалавшіе себя въ извѣстную работу за то, что предприниматели вносили за нихъ подати, кормили ихъ во время промысла и давали имъ небольшое вознагражденіе. Эти покручники, какъ и другіе «работные» бездомовые люди, бобыли, а затѣмъ дворовые люди и «ясыри» (т. е. рабы изъ инородцевъ) составляли низшій слой мѣстнаго населенія.

Къ концу XVII-го вѣка стала замѣтнае обнаруживаться въ мѣстномъ населеніи группа промышленныхъ и торговыхъ людей. Тѣхъ и другихъ влекла сюда жажда пріобрѣтенія и наживы. Промышленные люди, соединяясь въ ватаги, отправлялись на соболинъ и вообще пушной промыслы, выбирая въ мѣстныхъ таможенныхъ проѣзжія грамоты, отыскивали полезныя ископаемыя, добывали слюду, заводили соляныя варницы, соединя иногда все это и съ папинею или съ торговлею, когда осѣдали на мѣстѣ. Изъ рядовъ этихъ промышленныхъ людей вышелъ знаменитый Ерофей Хабаровъ, открывшій со-

леваренье возлѣ Усть-Кута и имѣвшій оольшое пашенное хозяйство по р. Ленѣ, подѣ Киренскомѣ. Изъ видныхъ торговопромышленныхъ дѣятелей г. Иркутска XVII вѣка необходимо отмѣтить енисейскаго посадскаго человѣка, торговаго гостя Ивана Ушакова, заведшаго въ Иркутскѣ по р. Ушаковкѣ мельницу, имѣвшаго здѣсь же кожевенный заводъ, открывшаго, повидимому, солеваренье въ нынѣшнемъ Усолѣ, такъ какъ здѣсь были расположены его пашни, и бравшаго разнаго рода подряды отъ казны. Насколько богаты были иногда мѣстные крупные промышленники, видно уже, напримѣръ, изъ одного того, что Хабаровъ снарядилъ большую экспедицію отъ Усть-Кута на Амуръ на собственные средства, уподобясь въ этомъ отношеніи предъуральскимъ Строгановымъ; одинъ «подъемъ» этой экспедиціи обошелся Хабарову въ 3.500 р., т. е. приблизительно въ 45.000 р. на наши деньги. Хабаровъ пришелъ въ Сибирь изъ Устюга гулящимъ человѣкомъ, перешелъ здѣсь въ ряды промышленныхъ людей, совершилъ походъ на Амуръ въ качествѣ «охочаго служилаго человѣка», за этотъ походъ былъ обласканъ царскою милостью, получилъ званіе Илимскаго боярскаго сына и кончилъ свою жизнь приказнымъ человѣкомъ надъ рядомъ ленскихъ волостей.

Въ заключеніе остается упомянуть еще, хотя бы и вкратцѣ, о состояніи горныхъ промысловъ и положеніи торговли въ разсматриваемое нами время въ Ангаро-Ленско-Прибайкальскомъ краю. Изъ полезныхъ ископаемыхъ добывалась прежде всего соль въ двухъ «Усоляхъ» — Устькутскомъ и Иркутскомъ, а также по рѣчкѣ Ичерѣ (въ предѣлахъ нынѣшняго Киренскаго уѣзда), гдѣ были соляныя варницы Якутскаго монастыря. Затѣмъ добывалась слиуда въ районахъ южнаго (по р. Слюдянкѣ) и сѣверо-восточнаго Прибайкалья. Добывалась также и железная руда въ окрестностяхъ Балаганскаго острога, по лѣвую сторону р. Ангара.

Что же касается торговли, то нужно замѣтить, что таковая къ концу XVII в. получила здѣсь сравнительно уже широкое развитіе, что и будетъ понятно, если принять во вниманіе спросъ на товары со стороны вновь устраиваемаго здѣсь русскаго и туземнаго, инородческаго населенія, а также открывшіяся торговья сношенія съ Китаемъ. Торговля носила преимущественно мѣнновой и караванный характеръ, сосредоточиваясь иногда и на ярмаркахъ.

Большинство первыхъ посельниковъ Ангаро-Ленскаго края, какъ и всей Сибири вообще, были выходцами съ сѣвера Евро.

пейской Россіи, нынѣшнихъ великорусскихъ губерній: Архангельской и Вологодской и смежныхъ съ ними. Уроженцы другихъ районовъ терялись въ общей массѣ сѣверянъ, уроженцевъ Устюга, Яренска, Пинеги, Соли Вычегодской, Мезени, Усть-Цыльмы и другихъ мѣстечекъ Сѣверной Руси. Сѣверяне несли сюда съ собою свои привычки, навьки, свои преданія и пѣсни и свой говоръ. Они строили здѣсь свои церкви, остроги и города такъ же, какъ привыкли строить ихъ и у себя на родинѣ. Несмотря на постоянное общеніе съ инородцами, русскіе насельники сохранили здѣсь въ чистотѣ и свой великорусскій говоръ.

